

ДЕНИС РАТМАНОВ

НЕРУШИМЫЙ-2

Денис Ратманов
Нерушимый – 2
Серия «Нерушимый», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68931933

Нерушимый-2:

Аннотация

Здесь СССР прошел через смуту девяностых, но не распался. Им правят могущественные Семьи под чутким руководством таинственного генерального секретаря, обладающего не только неограниченной властью, но и фантастическими способностями.

Теперь этот мир твой, ты сам выбрал, где возродиться в новом теле. Тебе опять восемнадцать. Твоя мечта – построить карьеру вратаря и наконец вывести сборную СССР в финал чемпионата мира по футболу. Да, ты превосходишь обычного человека, но твоих способностей недостаточно для того, чтобы осуществить мечту, и тебе предстоит пройти через череду испытаний. Выдержишь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	65
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Денис Ратманов

Нерушимый-2

Глава 1

Итак, вы предпочитаете драке домашний уют?

В тот момент, когда шестидесятилетний тренер, особо не напрягаясь, бросил меня так, что вышибло дух, и я еще долго валялся на матах, вдруг стало ясно, что моей прокачки недостаточно для победы. Без «Самого лучшего» мне до первого места как до луны. Причем не до земной Луны, а до какого-нибудь спутника Юпитера.

«Но ты губу закатай, нам это не светит», – эту фразу Льва Витаутовича я повторял каждый день во время тренировок, когда казалось, что сил не осталось и я вот-вот сдохну. Черта с два, Лев Витаутович! Светит, еще как светит! Нули призовой суммы светят, как четыре солнца.

А после того, что мне рассказал тренер об энергетических контурах, что бы это ни значило, лики братьев Шуйских тоже воссияли. Они же одаренные? Типа как маги. Значит, могут не только посветить ликами, но и посвятить в свое джедайство. А иначе как простому человеку играть на равных с

одаренным? Да никак. Поэтому нужно, нужно кровь из носу побеждать, знакомиться с партийными боссами и становиться своим.

Мне очень повезло, что турнир однодневный – божественного таланта хватит, чтобы темная лошадка Саша Нерушимый победил всех фаворитов и стал чемпионом. Ведь использовать талант я могу лишь раз в неделю.

Но, как говорится, на богиню надейся, а сам не плошай, и я тренировался дважды в день: утром с коварным Витаутовичем тета-тет, ощущая себя бездарем, вечером – с группой, остальное время повелевал шваброй, тряпкой и стайкой роботов-уборщиков. Ну и спал. Не просто спал – после девяти дрых так, что и взрыв ядерной бомбы не разбудил бы меня.

И только сегодня утром, двадцать девятого декабря, за полтора дня до турнира, вместо тыканья носом в ошибки Лев Витаутович, цыкнув зубом, уронил:

– Поздно ты ко мне попал. Если б раньше на полгода...

– Чемпиона бы из меня сделали? – ухмыльнулся я.

– Держи карман шире, чем ты слушал? Ты неуч, самоучка в лучшем случае! А там ребята с пяти лет тренируются, закаливаются, на особом счету у Семей, которые вкладываются в их развитие. Выписывают из Японии, Китая, Америки тренеров всяких, куда мне до таких!

– Лев Витаутович, вы самый лучший тренер в мире, – сказал я, не особо покривив душой. Он мне нравился четкостью, конкретностью, и, главное, я реально с ним прогресси-

ровал. Всего-то два-три дня занятий, а он мне уже столько дал!

– Поверь, Саша, в этой ситуации тебе даже лучший в мире тренер не поможет.

«Вот включу своего “Лучшего в мире”, и посмотрим», – подумал я, ничего ему не ответив. Если выиграю, Витаутовича точно вознесут на пьедестал – какого самородка раскопал и воспитал! Ух!

Примерно так я думал, расставаясь с ним и приступая к рабочим обязанностям. До пяти вечера выдраивал спорткомплекс до блеска, потом сгонял в общагу переодеться и перекусить, оттуда – снова в «Динамо».

Сегодня последняя тренировка в этом году, завтра никто не тренируется, будем восстанавливаться, а послезавтра – турнир. Ну и Новый год заодно, который, судя по движнякам в общаге, будут праздновать все вместе. Ко мне уже забегала Наташа, светловолосая подруга Насти, собирала по семьдесят рублей на праздничный стол. Я обещал отдать перед самым Новым годом, когда получу деньги за турнир, сейчас-то ничего не осталось.

Билеты им с Настей вручу сегодня вечером или завтра – как подарок на праздник. Оказывается, такие стоят аж пятьсот рублей, да и то их так просто не купишь. Повышенный интерес легко объяснялся – железный занавес товарищ Горский вернул и нарастил, так что развлечения у советского человека только отечественного производства. Бои без пра-

вил – одно из главных.

В «Динамо», оставив свою единственную куртку в гардеробной, я повернул в коридор, ведущий в зал для бокса, и услышал из-за приоткрытой двери раздевалки:

– Да вообще козлина! Руся уже год тренируется, подал заявку, так хрен ему...

Моя рука потянулась к ручке, чтобы распахнуть дверь, но говоривший продолжил:

– А тут явился какой-то хрен с горы – и на тебе...

В ответ прозвучала неразборчивая реплика. Рука опустилась сама собой.

– В натуре, Игорь! Вот прям в точку! Сто пудов, Неруша кто-то сверху запустил, а то стал бы с ним Витаутыч возиться! Ага, как же! Если бы мне дали еще шанс...

Наконец я узнал голос. Олег, которого я поборол на первой тренировке. Ну дает парень! Ноет, на меня жалуется – как баба, ей-богу! Не согласен он с поражением!

В прошлой жизни, особенно в молодости, я часто пасовал в такие моменты. В этой так не будет. Подавив малодушное желание пойти в другую раздевалку – не хотелось тратить ресурс на перепалку с Олегом, – я все-таки вошел, улыбнулся и сказал:

– Привет, мужики.

В воцарившемся безмолвии мой голос прозвучал слишком громко, фальшиво. Кто-то поздоровался в ответ, кто-то не стал. Олег, который стоял близко к выходу, demonstra-

тивно отвернулся. Я обратился к нему:

– Олег, что за детский сад? У тебя ко мне претензии? Так давай их разрешим.

Все замерли, уставились на нас. Казалось, воздух заискрился от напряжения. Олег не спешил поворачиваться. Сквозь короткие светлые волосы просвечивала покрасневшая макушка, а уши так вовсе стали пунцовыми. Наконец он развернулся. Оказалось, что и глаза у него побурели, и нос. Но он не стал отказываться от своих слов и юлить.

– Да... То есть нет... – Он разозлился, рявкнул: – Короче, тебе в тот раз повезло! Вот что я хотел сказать.

– Так давай повторим?

– Давай! – Он подскочил ко мне, сжав кулаки.

– Не сейчас. После тренировки, когда Витаутович уйдет...

Дверь скрипнула, и вошел лучший боец клуба, брюнет Алексей. Он неодобрительно посмотрел на нас, замерших в напряженных позах, нахмурился.

Я продолжил:

– А Алексей будет судьей.

Тот стянул шапку, зыркнул как на вредных котят.

– Идите вы! Еще шею себе свернете, а я как соучастник пойду. Этот вот, как его, – кивнул он на меня, – грубо работает. Запрещенные приемы использует.

– Они уже не запрещенные, – сказал я.

– Да мы осторожно, – прищурился Олег. – Правда?

– Очень осторожно, – кивнул я и пожал протянутую руку.

Олег победно улыбнулся и обратился ко всем:

– Делаем ставки, товарищи, за сколько секунд я уделаю этого выскочку! – провозгласил он.

На миг мне показалось, что Олег готов, чтобы прикрыть свой позор, играть не по правилам, но нет. Больше всего он хотел всем доказать, что лучше даже Леша, которому просто везет, а уж этого выскочки (то есть меня) выше не на две головы, а на все десять, и продемонстрирует это уже сегодня.

Леша постучал по запястью, где обычно носят часы.

– Мужики, время!

Спортсмены один за другим покинули раздевалку, мы с Олегом вышли в зал в числе последних, заняли места в полукруге возле Льва Витаутовича. Все надели защитную экипировку, а на руках у нас были шингарды – специальные перчатки, они и удары смягчают, и не мешают хватать противника.

– Ну что, ребята, это был хороший год, – сказал он, внимательно нас оглядев. – Никто особо не филонил, Леша с Олежкой добились неплохих успехов – уже не стыдно на турнир выставлять.

Парни, с которыми я иду на турнир, заулыбались, кивнули.

– Сергеич и Михалыч, вам отдельное спасибо за помощь с новичками.

Два «старичка» показали тренеру большие пальцы, один из бывалых спортсменов проворчал:

– Да брось, Витаутович, нам несложно.

– Ну, раз несложно, давайте в круг тогда. С вас и начнем!

Народ загалдел, заволновался. Мы разошлись, выстроив круг, а в центре встали друг перед другом Сергеич и Михалыч. Тренер посмотрел и нажал кнопку пульта дистанционного управления, дав отмашку:

– Деритесь!

Запустился таймер, и «старики» начали обмениваться ударами.

А я спросил у стоявшего рядом Алексея:

– Какой принцип сегодня? Кто с кем дерется в каком порядке?

– Это «первый круг», – ответил он. – Проигравший уходит и ждет второго проигравшего, они создадут «второй круг». На победителя выходит следующий в очереди. Кто проиграет и во втором круге, тот вылетает и встает к стенке. Последний, кто останется в первом круге, – типа чемпион года. Это неформально, так, между нами.

Я перевел взгляд на дерущихся. И один, и второй были в первую очередь ударниками, и каждый пытался перехитрить противника и увести его в партер. На третьей минуте тот, что худее и быстрее, Сергеич, все-таки повалил соперника, но он закрылся, и ни придушить его, ни взять на болевой Сергеич не мог, так до конца схватки и возил по полу, нанося удары. Михалыч пытался отвечать, но положение у него было невыгодным, а встать ему не давали.

В итоге Сергеич выиграл по очкам.

Не успел я удивиться, как Витаутович вызвал незнакомо-го мне «старичка» судить бои, сам отозвал меня с Олегом и Алексеем:

– А вы, хлопцы, обойдетесь. Идите на ринг, надевайте защиту и поработайте над связками.

Мы так и сделали. Быть грушей для избиения выпало сперва мне. Я натянул тяжелую защитную экипировку, а Алексей начал меня бить – руками, ногами, локтями и коленями. Сила его ударов была такой, что я с трудом удерживался на ногах, пару раз отлетел в сторону и почти упал, но спасли канаты. Олег отпускал ернические комментарии и посмеивался.

Когда Алексей уступил ему место, он начал лупить меня так, как будто надеялся отбить все органы через защиту. Бил настолько зло и агрессивно, что заметивший это Витаутович окрикнул его и велел умерить пыл.

Следующим избиению подвергся Алексей. Мои удары он сдерживал легко, а вот от Олега ему досталось так, что его чуть не вырвало. Перегнувшись через канаты, он свесился и попытался оклематься.

Мои удары оба перенесли легко и посмеиваясь.

– Да уж, Саня, бьешь ты как девчонка! – воскликнул Алексей.

– Эй! – окликнул его дерзкий девичий голос. – Вам показать, как девчонки бьют?

Обернувшись, я увидел идущую к нам девушку лет двадцати – худенькую, с черными волосами, собранными в конский хвост. На смуглом личике пылали гневом карие глаза – большие, миндалевидные, как говорят, газельи. Глаза восточной принцессы, но никак не бойца ММА. Обтягивающая майка на ее мальчишеской фигуре обнажала мускулистые плечи, а под короткими шортами бугрились квадрицепсы. И все же было в ней что-то такое, от чего сердце у меня забилось чуть быстрее.

– О, Рина, иди к нам! – позвал ее Алексей. – Покажешь новичку, как бить нужно!

– Сам покажи, мне некогда, еле вырвалась с дежурства! – отмахнулась она, прошла мимо ринга к груше и начала ее молотить, искоса поглядывая на меня.

– Кто это? – тихо спросил я у Алексея между ударами.

– Даринка, – ответил он на выдохе. Поднял руку, чтобы я остановился, и договорил: – Но ты ее так не называй, только Рина, понял? А то врежет так, что мало не покажется!

– Она тоже идет на турнир?

– Да, только не от «Динамо».

– А от кого?

– Она в медучилище учится и стажирется в больнице. От кого-то из них. Учитывая, что нам на все спортобщество дали лишь три места, Ринка сделала невозможное и урвала единственное по квоте.

– Че треплетесь? – воскликнул Олег. – Работаем!

Остаток тренировки я провел, упорно сопротивляясь желанию посмотреть на девушку. Мокрая, вспотевшая, с сосредоточенным лицом, она выбивала из стокилограммовой груши содержимое так, что с потолка сыпалась побелка.

Засмотревшись на Дарину, я опустил руки и получил от Олега удар ногой в голову. Витаутович тут же остановил тренировку. Кто выиграл в «большом круге», я так и не понял.

Собрав всех, он поздравил нас с наступающим Новым годом, после чего распустил народ. Остались только мы с Алексеем и Олегом и Рина, без усталости молотящая грушу.

Лев Витаутович задержал взгляд на мне и Олеге. Выждав немного, спросил:

– Олег, Саша, что происходит?

Он явно знал о том, что мы договорились выяснить отношения. Мы с Олегом переглянулись, чувствуя себя заговорщиками. Ни он, ни Алексей слить ему предстоящий поединок не могли. Кто-то из тех, кто слышал, как он меня вызвал? Или Лев Витаутович проходил мимо раздевалки и подслушал наш разговор?

Видимо, Олег решил, что нет смысла скрывать очевидное, и ответил:

– Решили поспарринговаться, Лев Витаутович.

Тренер посмотрел на меня тяжелым взглядом судьи, желающего слышать аргументы обвиняемого.

– Кое-кто считает, что в прошлый раз проиграл случайно, – сказал я.

– Кое-кто оборзел, – проворчал Олег.

– Понял, – кивнул тренер. – Давайте вы решите разногласия здесь и сейчас, а не где-нибудь в подворотне. А я прослежу, чтобы все было честно. Один раунд до полной победы.

Говорил он без упрека, без недовольства или злости – просто констатировал факт, и я был ему благодарен. Слова его прозвучали в тишине – Дарина притихла, перестав бить по груше.

– Деритесь в полную силу, раз такое дело, – сказал Лев Витаутович и усмехнулся: – Дабы закрепить сегодняшнюю тренировку.

– А вдруг все же травмируются? – не поверил своим ушам Алексей.

– Тебе же лучше, – с деланным равнодушием отмахнулся тренер. – Считай, премия в кармане, как у самого успешно выступившего бойца «Динамо». Олег, Саша, давайте на ринг.

Через минуту мы с Олегом стояли друг напротив друга, а Витаутович готовился дать отмашку. В углу Олега встал Алексей, в моем – Дарина, вызвавшаяся помочь.

Олег смотрел на меня в упор и страстно хотел восстановить свои пошатнувшиеся позиции. И в этот момент я понял, что для него это вопрос жизни и смерти. Сколько этому Олегу? Двадцать? Двадцать два? Еще совсем пацан. Как Людмила говорила – в поле ветер, в попе дым. Ну выиграю я – и что? Олег еще больше озлобится. А не выиграю – он мне,

чего доброго, челюсть свернет, а если обойдется без травм, появится повод для насмешек, что тоже обстановку в коллективе не улучшит.

– Готов? – спросил Витаутович у Олега.

– Готов, – сосредоточенно ответил он.

Казалось, у него пламя из ноздрей вот-вот вырвется.

– Готов? – обратился тренер ко мне.

– Нет, – улыбнулся я и процитировал Лу-Цзы, часто поминаемого Ризвановичем: – Лучший бой тот, которого удалось избежать.

Оба посмотрели на меня: Олег – непонимающе, Лев Витаутович – с интересом. Я объяснил:

– Олег, думаю, Лев Витаутович хочет преподать нам урок. В поединке главное взять эмоции под контроль, думать, что делаешь, иначе проиграешь. Вот и сейчас, сам посуди: мы оба рискуем участием в турнире, здоровьем, и ради чего? Чтобы друг другу что-то доказать? Зачем?

– Чтобы кое-кто не задирает нос, – буркнул он.

Лев Витаутович вроде был серьезен и сосредоточен, но на самом деле он улыбался – это выдавали морщины в уголках опущенных век.

– Обещаю, нос задираю не буду. – Я протянул ему руку. – Будем считать, что ты выиграл. Мир?

Олег посмотрел в потолок, типа задумался. Потом его губы растянулись в улыбке:

– Черт с тобой. Мир.

Он пожал руку мне, потом – тренеру и поспешил удалиться. Усмехнувшись, Алексей последовал за ним.

Когда мы со Львом Витаутовичем остались одни, я спросил:

– Откуда вы знали, что...

Тренер покачал лохматой головой и перебил меня:

– Я не знал. Просто предположил, что будет дальше, учитывая, какой у Олега характер. – Он посмотрел на меня с явным одобрением, улыбнулся уголком рта: – Молодец. Я в тебе не ошибся.

Приложив меня пятерней по спине, он направился к выходу – прямой, как струна, будто напряженный и в то же время какой-то разболтанный. Моя душа наполнялась гордостью и уверенностью, потому что одобрение такого человека дорогого стоит...

После тренировки я готов был сожрать слона. Ощущение голода стало постоянным, изматывающим – как в студенческие времена, когда приходилось варить суп из луковицы, морковки, муки и кубика сублимированного бульона. Сейчас же у меня осталось чуть менее сорока рублей, которые надо растянуть на три дня. Талоны на обед и завтрак Лев Витаутович выбил для меня как для спортсмена, отсыпал пригоршню аминокислот и витаминов – иначе как организму восстанавливаться?

К сожалению, о позднем ужине речь не велась, а социальная столовая работала до полдевятого. Так что у меня оста-

лось лишь десять минут, чтобы туда добраться и поглотить все, что осталось. Если надо, помочь на кухне и только потом наконец-то упасть полумертвым в постель.

В кармане похрустывали Настины билеты на турнир, которые я забыл выложить, под ногами – недавно выпавший снег. За неделю я выучил сокращенные маршруты и сейчас собирался пройти через аварийное ПТУ, куда уже нагнали технику для строительства нового здания. Так я сэкономлю минут семь.

Вот тропинка между бетонными плитами. На снегу – свежие следы, идут они от «газели» на территорию училища. Я нагнулся, миновал заросли сирени, остовы лавочек и шагнул на спортивную площадку, освещенную лишь отблесками далеких фонарей.

Хруп-хруп-хруп – хрустел под ногами снег. Шелестели шины далеких автомобилей. Вдалеке визжали дети. И вдруг донеслись глухие удары, словно кто-то бил по груше.

Вскрик. Удар. Ругань. Опять удар.

– Ах ты сука!

Бах, бах, бах! Женский всхлип. Возня. Удар.

– Убью, сука!

– Помогите! – закричала женщина, закашлявшись после очередного удара.

Больше она не вопила, лишь время от времени взвизгивала. Я остановился, завертел головой в поисках источника звука. Вроде бы действие разворачивалось там, между буль-

дозером и кучей пеноблоков. В этой мысли меня утвердила ведущая туда цепочка следов. Нет, не цепочка – месиво с алыми каплями крови.

Сердце заколотилось. Кулаки сжались. Здравый смысл прошелестел: «Саня, не лезь. Одного раза тебе не хватило? Их много. Вали отсюда и вызывай милицию».

Совесть, подстегиваемая удалью молодецкой, возразила:

– Пока наряд приедет, женщину убьют.

– И тебя тоже убьют, как в прошлый раз! – возопил здравый смысл.

Моего секундного замешательства преступникам хватило. Из темноты выступили две тени, третья метнулась перекрывать выход, четвертая – выход. Да сколько вас тут?

У троих в руках были прутья арматуры, что у четвертого, я не заметил. Ясно одно: живым они меня выпускать не собираются. Видимо, они приехали потрошить привезенные стройматериалы, нейтрализовали сторожа, а я им помешал. И что делать? Звать на помощь? Прорывать оборону и бежать?

Враги начали брать меня в кольцо. Судя по стойкам, матерые ребята. Тот, что был безоружным, взмахнул рукой – блеснуло лезвие ножа.

Побегу – догонят. Позвонить в милицию – не успею. Остался единственный выход – стать лучшим в мире, например, бегуном. Или бойцом.

Но тогда прощай, победа на турнире...

Глава 2

Всю жизнь на лекарства работать будешь!

– Помогите! – прокричала женщина еще раз – звонко и отчаянно. – На по...

Ее снова ударил скрытый в темноте преступник. Да сколько их там?

Как стая волков, воры начали брать меня в кольцо. Насколько можно было разглядеть, все матерые, всем за тридцать, некоторые, наверное, имеют не одну ходку – опасные товарищи, а не какая-то шпана приподъездная.

Ощерившись, мужик с ножом поманил меня к себе, поиграл лезвием. Я попятился, не давая себя окружить. Что же делать? Так, стоп. Не паниковать! Мысли были четкими и... громкими, что ли.

Саня, можешь ли ты убежать? Нет, догонят. Можешь победить четверых? Тоже нет. Значит, Саня, либо ты «лучший в мире», либо труп. Думай быстрее.

Трупом я точно быть не хочу.

«Хочу стать лучшим в мире уличным бойцом», – решил я и ощутил, как по телу прокатилась горячая волна, время будто стало тягучим, как мед.

Первым атаковал вор с ножом. Я схватил его за руку, рез-

ко развернул, прикрываясь им от мужика с арматурой. А дальше тело действовало само.

Удар по вытянутой руке – локтем сверху, коленом снизу. Хрустнули кости. Схватившись за изувеченную руку, нападающий завопил, роняя нож.

Уловив движение за спиной, я ушел с линии атаки в сторону – подкравшийся сзади противник вместо меня ударил арматурой сугроб.

Поднырнуть под замахнувшего противника слева. Отвесить ему апперкот в челюсть. Клацнули зубы. Башка запрокинулась. Он начал заваливаться назад, махая руками и стараясь удержаться за воздух. Вот тебе ускорение – я ударил его прямым в нос. Есть! Этот не боец. Минус два.

Оставшиеся двое поняли, что я опасен, и наступали единым фронтом, плечом к плечу, тыкали в меня арматурой, будто прощупывая.

Атаковали они стремительно. Тот, что справа, поддел снег сапогом и швырнул мне в лицо, но я повернулся боком, и им не удалось меня ослепить. Отшатнулся от прута. Схватил бьющего за запястье, сдавил его – пальцы разжались, и арматура выпала. Следующий удар – толчок в затылок ладонью и встречный коленом в лицо. Хрясь!

Четвертый их товарищ пятился, выставив перед собой дрын, как крест перед Вием.

– Отвали, падаль! – крикнул он. Его поделник скрывался в тени, где били женщину, и отступающий заорал ему: –

Руся, твою мать! Этот черт махать умеет!

Движение в черноте. Очертания силуэта. Выпростанная вперед рука...

Не умом, чутьем я определил, что у него пистолет, и рыбой нырнул за сугроб. Грохнул выстрел, еще один. «Если ты слышишь выстрел, значит, эта пуля не твоя».

Я заозирался в поисках убежища, ведь от пули меня никакая реакция не спасет. Ничего, только сугробы.

– Подох? – спросил стрелок, которого звали Русей.

– Хрен знает, – отозвался мужик с арматурой. – Не видно ни хрена!

Хруп-хруп-хруп – прохрустел снег под ногами чуть в стороне. Я лежал неподвижно.

– Так глянь.

– Сука, долбанулся? Валить надо, пока менты не...

Воцарилась напряженная тишина, лишь скулил вор со сломанной рукой, а потом вдруг – вскрип, удар, выстрел. Глухой звук падения – как мешок картошки уронили.

Я выглянул из-за сугроба. Два силуэта сцепились друг с другом. Вор с арматурой бежал на помощь подельнику. А я рванул спасать неизвестного, выбившего пистолет из рук моего несостоявшегося убийцы.

Подхватил обломок пеноблока. Метнул в замахнувшегося вора – попал в голову. Не вырубил его. Но нескольких секунд хватило, чтобы подбежать к дерущимся и отправить в нокаут последнего со словами:

– Третий лишний.

Остался стрелок, связанный боем с... женщиной. Даже скорее девушкой с распухшим и окровавленным лицом. Как неплохой борец, она обхватила его ногами и закрылась, а он тщетно пытался расковырять защиту. Вытащив пистолет из снега, я долбанул рукоятью его по затылку – крикнув, он повалился на девушку в красном пуховике.

Запихнув пистолет в карман, я стащил с девушки тушу преступника и спросил у нее:

– Ты в порядке?

Впрочем, и так ясно было, что девушка не в порядке: нос наверняка сломан, кровища так и хлыщет, глаз подбит. Не ответив, она перевернулась, ткнулась лицом в снег, окрашивая его алым, и мелко затряслась.

Понимая, что расслабляться нельзя, и поглядывая по сторонам, я обнял ее за плечи и прошептал:

– Ну, успокойся. Все позади.

– Как же я теперь... на турнир, – проскулила она, тряхнула головой и вдруг затихла.

– На турнир? – переспросил я.

Перевернув девушку, я с трудом узнал Дарину, с которой познакомился в «Динамо». То есть Рину.

– Зачем же ты в это влезла, дуреха? – проговорил я.

– Сторож... скорую... – прохрипела она, закатила глаза и обмякла.

Нахлынула паника, я испугался, что девушка умерла, рас-

стегнул молнию залитой кровью куртки, нащупал пульс: нет, Дарина дышала, и сердце билось сильно, ровно. Повернув ее голову набок, чтобы не захлебнулась кровью, я глянул на поле боя, где в неестественных позах замерли тела. Вор со сломанной рукой вскочил и рванул к дыре в заборе, я в несколько прыжков догнал его и придушил.

Остальные были без сознания. Значит, первым делом – вызвать скорую. Затем – милицию. Я там уже как родной.

То ли действовал талант, то ли откат еще не настиг меня, но никакого мандража не было. Я достал смартфон, с которого пока никому не звонил. Функционал был почти такой же, как на привычных моделях. Я нажал на зеленую кнопку – появились две строки: адресная книга и экстренные вызовы. Как все просто! Надавив на «Скорую медицинскую помощь», я дождался ответа, обрисовал ситуацию, сел на корточки возле Дарины и принялся ждать.

Сперва в голове было пусто. Проскользнула первая мысль – живой! Наши победили! Нахлынула радость, но вторая мысль стерла улыбку с моего лица: я использовал «Лучшего в мире»! Когда усну, карета превратится в тыкву, завтра на весь день я стану в чем-то худшим, а на турнире буду простым бойцом, и без особого таланта мне никак не выиграть! Да мне, наверное, и одного боя не выиграть! И вообще, скорее всего, мне надают по башке и отсеют в самом начале. Застонав, я сжал голову руками. Можно, конечно, не засыпать, но двое суток я не продержусь.

Особенно гадостно стало от осознания, что все это будет видеть Настя.

Может, вообще слиться? Сказать, что получил травму, задерживая опасных преступников?

Устыдившись собственных мыслей, я решил, что нет. Назвался груздем – полезай в кузовок. Как будет, так будет...

Дальше додумать мне не дали вой сирены и мигание проблесковых маячков за забором. Надо же, и минуты не прошло, а скорая уже здесь! Стих рык мотора, донеслись голоса, я поднялся навстречу медикам.

Появился первый мужчина, второй... Да это не медики – менты! Кто-то услышал стрельбу и вызвал наряд. Вглядевшись в лица, я выругался. Не просто там какие-то менты, а те, которых я уже знаю, покровители воря: шкет Кирилл, за ним Артурка, Пушкин... А где Шрек? Застрял между плит? Нет, вон он плетется.

Представилась картина: вот я умираю, варюсь в котле в аду, приходят четыре черта, один из них жирный, с мордами этих четверых. Джабарова говорила, что займется ими, но, видимо, это дело небыстрое, нужно собрать доказательства, да и выходные на носу – кому охота заморачиваться перед праздниками?

Шкет окинул взглядом побоище, вытаращился на меня, и такая боль на лице отразилась, что захотелось его обнять и по голове погладить. Бегущей строкой по лбу промелькнуло: «Блин, один ты везде живешь».

С одной стороны подошел Шрек, с другой – Пушкин, заломили мне руки, повалили мордой в снег, защелкнули наручники. Я мог бы их одним пальцем завалить, но успел сообразить, что не стоит, они не самовольничают, а действуют по уставу: вяжем всех, по ходу дела разберемся. А вот если начищу им морды, это такая статья, от которой ни Ирина Тимуровна не отмажет, ни предстоящий турнир.

Караулить меня остался шкет, остальные бросились к вограм, осмотрели их и на тех, кто мог бы, очухавшись, сбежать, надели наручники. Кот перевернул того, кого я ударил коленом в рожу, присвистнул:

– Ох, ни хрена себе! Нужна скорая! Тут тяжкие телесные повреждения!

– Тяжкие телесные, – мечтательно протянул шкет, и глаза его недобро блеснули. – Явное превышение допустимой самообороны.

Я промолчал – сейчас оправдываться бессмысленно. По идее, менты должны осмотреть место преступления, нейтрализовать подозреваемых, а потом разбираться, че кого. И даже появившись тут Джабарова и начни метать молнии, они имели полное право не только проигнорировать приказ, но и ее повязать.

Мысли были разумные, но злость все равно рвалась наружу. И опять на самого себя. Если Саня не идет к приключениям, приключения идут к Сане. И что теперь? Сто пудов заберут меня в милицию и будут держать там до Нового го-

да. Ну, до завтра так точно. В лучшем случае выпустят под подписку о невыезде. В худшем... Надеюсь, его не будет.

– Тут девчонка. Без сознания, – констатировал Пушкин. – Тоже нужна помощь.

Шкет подошел к нему, пошептался с ним, Шреком и Артуркой, потом вернулся ко мне и бесстрастно и без особого удивления спросил:

– Это что же, ты один натворил? – сказал так, словно констатировал.

Не ответив на вопрос, я сообщил:

– Здесь где-то должен быть сторож, поищите его. Скорую я вызвал...

И запнулся, вспомнив, что у меня пистолет, который я отобрал у стрелка в горячке боя! Обыщут – найдут. Но это ничего, Дарина мои показания подтвердит. Наверное...

– Проверьте бытовку! – крикнул Кирилл.

Вспомнив о своей недоработке, он молча похлопал по своим карманам. Сначала он выгреб бумажное барахло. Внимательно все изучил, присвистнул, с завистью посмотрев на билеты для Насти и талоны в столовую. А вот потом у меня начались проблемы – он нашел пистолет и сунул мне под нос:

– Это, я так понимаю, не твое?

– Правильно понимаешь.

– Ну-ну...

Он очень, просто до икоты, хотел, чтобы пистолет оказался моим. И, похоже, сделает для этого все возможное. Твою

мать, вот же влип! Забыл в горячке боя скинуть огнестрел! Да и скинул бы, толку? Все равно на нем мои «пальчики» – затупил, все-таки заказывал не лучшего в мире преступника или самого продуманного, а бойца, причем уличного. Доказать-то я докажу, что ни при чем, но эта улика даст им повод закрыть меня аж до следующего года. А учитывая, как эта четверка на меня зуб точит, из штанов выпрыгнут, чтобы сделать меня железным подозреваемым. Да и грабители наверняка подпоют им то, что нужно. Вся надежда на Дарину, но с ее травмами и сотрясом вряд ли она вообще меня вспомнит... Да уж...

Тем временем Шрек и Артурка достали табельное оружие и исчезли в темноте, а спустя пару минут выволокли сторожа в ватнике.

Приблизившись, положили его напротив меня, тоже мордой, причем изрядно разукрашенной, в снег.

– Та вы чо, пацаны! – бормотал он. – Я ж потерпевший! Меня надо отпустить! – Он уставился на меня: – У, упырина! Такой молодой, и туда же! Куда ваш комсорг только смотрит?

Наверное, он подумал, что я тоже из банды налетчиков, и его заблуждением тотчас воспользовался шкет.

– Знаешь его? – обрадовался он.

Я посмотрел на сторожа в упор и сказал:

– Не уверен – не наговаривай. Я вообще...

– Отставить разговорчики! – рявкнул шкет, и сторож

вздохнул:

– Этого раньше не видел. Короче, пятеро их было, этих...

– Р-разговорчики, папаша! – повторил шкет, и сторож замолчал, сплюнул кровь в снег и... заплакал.

Закончив осматривать место преступления, менты оттащили сторожа, посадили его на остатки лавочки, сняли наручники и принялись допрашивать. Я напряг слух, но мало что разобрал. Мужик всхлипывал и жаловался, жаловался, жаловался. Кирилл записывал за ним, дул на озябшие пальцы и замерзающую ручку, которая то и дело отказывалась писать.

А когда взревела сирена теперь уже скорой, прислушаться стало бесполезно. Я очень надеялся, что Дарина очнется и подтвердит, что я не преступник, а наоборот, но, видно, не судьба – девчонке здорово досталось. Лишь бы оклемалась. Черт, что она вообще здесь делала?

Проскользнула малодушная мысль, что все сложилось наилучшим образом: теперь у меня есть причина не ходить на турнир и не позориться, – но я устыдился ее.

Появились медики. Шрек жестом позвал их к мужику с разбитой мордой, его положили на носилки и сразу же утащили. Дарину тоже забрали – она вроде бы очнулась или просто находилась в горячечном бреде. Затем уволокли вора со сломанной рукой. Остальных привели в чувства и оставили здесь.

Хорошо хоть, подняться позволили, а то я рисковал обмо-

розить щеку. Пустой желудок обиженно пожаловался на то, что его оставили без ужина.

Опросив очнувшегося стрелка, который был немногословен и, видимо, пошел в отказ, Кирилл приблизился ко мне.

– Рассказывай с самого начала и по порядку, – чуть устало сказал он. – Как тут оказался, с какой целью, с кем и при каких обстоятельствах договорился ограбить...

– Как обгонял, как подрезал? – съязвил я, вспомнив анекдот о том, как судили водителя катка за то, что он якобы врезался в «мерседес» нового русского.

– Чего? – прищурился шкет. Очевидно, он не знал этого анекдота.

– Шутит он, – объяснил Шрек. – Шутник.

– Я бы на его месте не веселился, – нахмурился Кирилл.

Я начал рассказ:

– Где-то в девятнадцать пятьдесят я вышел из спорткомплекса «Динамо», где был на тренировке у Льва Витаутовича Тирликаса. Решил пойти по сокращенке через территорию ПТУ, иначе не успевал в столовую...

– Кто подтвердит? – задал дежурный вопрос Кирилл, потом вспомнил, что отобрал у меня талоны в динамовскую столовую и билеты. – Впрочем, ясно, что именно в «Динамо» ты и был. Но фамилии нужны. Кто подтвердит?

Я перечислил имена тренера и тех парней, с кем был знаком.

– Понятно, – хмыкнул он, дотошно записав все. – Дальше

рассказывай.

– Иду, значит, вижу «газель», следы к ней, потом слышу крик о помощи.

– Откуда шел крик?

– Крик доносился вон оттуда, из темноты недалеко от бульдозера.

– И тебе приспичило посмотреть? – ехидно заметил Артурка. – Больше всех надо?

– Рот закрой, – посоветовал ему Кирилл и кивнул мне. – Дальше.

– Как советский гражданин, я не мог пройти мимо и пошел на крик, в итоге оказался на территории склада. Не успел оглядеться, меня окружили четверо.

– Сказал бы, что ты не при делах, и ушел, – подал голос Пушкин. – Любой бы так сделал. А ты полез на четверых? Совсем баран?

– Я недавно как раз полез на четверых, – напомнил я ему. – Или они на меня полезли, забыл?

– Дальше, – сухо сказал Кирилл, поиграв желваками.

– Ну, и началась драка. На меня пошли вчетвером. У одного был нож, у него теперь рука сломана. Нож, кстати, должен валяться вон там в снегу.

Я указал направление, Пушкин сходил туда, порылся в снегу и нашел нож. Положив его в пакет, он вернулся к нам, сообщил:

– Есть. Посмотрим, что экспертиза скажет.

– Продолжай, – сказал Кирилл.

Сунув в рот шариковую ручку, которая отказывалась писать на холоде, он поцарапал у себя на ладони и приготовился строчить дальше. «Странно, – подумал я. – Такой прогресс, а менты все так же шариковыми ручками пользуются, а не в планшет данные собирают».

– А почему вам электронные планшеты не выдадут? В чем смысл бумагу плодить? – спросил я.

– А? Чего? – он не понял вопроса.

– Просрал он, – хохотнул Шрек. – Теперь ждет нового.

– Бандитская пуля разбила? – улыбнулся я. Раз Шрек выдает такие вещи, значит, я для него не совсем уж чужой.

– Типа того. – Даже в полумраке было видно, что Кирилл покраснел. – Ты это, короче, зубы не заговаривай. Дальше что было?

– Дальше одного ударил коленом в лицо, другому дал апперкот в челюсть, прямой в лицо. Оба упали. Четвертый отступил. Пятый показался с пистолетом, открыл огонь, стоя там, у бульдозера, в тени. Поищите, там должны быть гильзы.

– А как пистолет попал к тебе? – прищурился Кирилл.

Он очень хотел, чтобы в этой истории имелись белые пятна, тогда получится меня закрыть и промурыжить подольше. Ох и обидчивая ж ты крыса! Это ты из-за Артурчика так стараешься или из-за тех вороваяк, которых покрывал на рынке Достоевского?

– Девушка, которую они били ранее, напала на него и вы-

била пистолет... Кстати, «ранее» пишется с одной «н», – не удержался я от шпильки.

Кирилл зыркнул злобно и приподнял протокол, чтобы я не видел, что он пишет.

– То есть ты утверждаешь, что избитая девушка потом смогла обезвредить преступника?

– Это наша девушка из секции боевого самбо. Ее зовут Дарина. Видимо, попыталась предотвратить преступление, не рассчитав силы. Они с преступником вступили в схватку, четвертый бросился им помогать, я от беды подальше поднял пистолет и вырубил преступника. Девушка провела в сознании несколько секунд, а потом лишилась чувств.

– Разберемся, – то ли пообещал, то ли пригрозил Кирилл. Он сложил бумаги в папку, затянул молнию. Оглядевшись, поднялся, попрыгал и велел: – Значит, так! Всех задержанных – в участок.

Я криво усмехнулся:

– Вы меня с преступниками в одну машину?

– До выяснения, – напомнил Кирилл.

– А меня? – жалобно проблеял сторож.

– Тебя нет, ты с нами в кабине поедешь.

– Не надо нас с этим демоном, – прохрипел один из преступников, имея в виду меня.

Приглядевшись, я его опознал – стрелок. Без ствола уже не такой смелый?

Шрек его вздернул на ноги и повел к дыре между плит,

но остановился: навстречу вышли два силуэта. Я напрягся. А что, если это подельники воров? Перестреляют сейчас всех к чертям...

Похоже, нет.

– Что у вас тут, мужики? – донесся бодрый, я бы даже сказал, бравый голос.

Вновь прибывшие пожали патрульным руки, окинули взглядом залитое кровью поле боя, присвистнули. Подошли ближе, и под меховой шапкой блеснули знакомые зеленые глаза. Да это Олег! И Алексей! Не зная, радоваться или огорчаться, я все же ощутил что-то вроде надежды.

Олег узнал меня и воскликнул:

– Это же наш Неруш! Саня! Нерушимый! Чего он натворил?

– Натворил делов ваш Неруш, – пробормотал Кирилл.

Надежда окрепла и расправила крылья, когда Алексей официальным тоном проговорил:

– Доложите по уставу, сержант! За что задержан товарищ Нерушимый – надежда советской милиции, перспективный спортсмен, защищающий честь спортивного общества «Динамо», и вообще хороший человек?

Глава 3

И все за одного!

Пока Кирилл и его напарники переглядывались, я ответил вместо него:

– Отбил Рину у грабителей. – Я кивнул на поле боя, где задержанных вели к машине. – Вон они, их упаковывают, и меня вместе с...

– Разговорчики! – рявкнул Кирилл, покосившись на моих спарринг-партнеров. Появление Алексея и Олега его явно не обрадовало. – Гражданин задержан до выяснения обстоятельств.

Алексей полез в нагрудный карман, достал ксиву, протянул шкету и представился:

– Капитан Поддубный.

– Да хоть Поднебесный, – огрызнулся Кирилл. – Не мешайте работать.

Шкет был прав, он действовал по закону, и принимать решение о том, когда меня отпустить и отпустить ли, можно только после опроса свидетелей, составления протокола и когда картина преступления станет ясна. И даже если генерал Вавилов приедет замолвить за меня слово, по закону сотрудники при исполнении могут его не послушать. То есть будут иметь все основания не слушать.

– Да будьте вы людьми! – возмутился Олег. – Вы что его, с преступниками везти собираетесь?

– И меня тоже! – пожаловался сторож. – Меня-то за что? Хозяйство без присмотра оставлять нельзя!

Артур посмотрел на сторожа и сказал:

– Вы, товарищ свидетель, не так поняли. Вы поедете рядом с нами. Нам показания ваши нужны.

– До выяснения обстоятельств, – повторил Кирилл, все больше злясь. – А кто из них преступник, решит суд.

Молодой и горячий Олег налился дурной кровью, сжал кулаки.

– Да вы берега попутали?..

Алексей схватил его за руку, но Олег освободился и навис над Кириллом, раздувая ноздри. Шкет инстинктивно сжался, но опомнился, расправил плечи и выдал в лицо Олегу:

– Следите за речью, молодой человек! Я при исполнении!

– Олег Семенович, – проговорил Алексей таким тоном, что парень обернулся к нему с виноватым видом. – Давай-ка поспокойнее. Не видишь, коллеги работают? Не будем им мешать.

Он кивнул мне, мол, все в порядке, а сам достал смартфон, набрал кого-то и проговорил:

– Товарищ Тырин? Капитан Поддубный на связи. У нас тут произошел инцидент... – дальше он говорил едва слышно.

Шкет, поглядывая на него злобно, приказал своей коман-

де, взмахнув руками:

– Грузимся, чего встали, уши развесили?

Уже в машине, сидя на лавке напротив преступников с побитыми мордами, я думал о том, что зря переусердствовал и покалечил двух воров. Это действительно тяжкие телесные повреждения, и при желании мне можно пришить дело. В моем мире за такое могли спокойно и превышение пределов необходимой обороны впасть. Особенно если ты один, а «пострадал» какой-нибудь сынок большого человека. Надеюсь, здесь с законом не такие вольные отношения.

Впрочем, даже если не пришьют, нервы точно попортят. Радует, что оформлять-то меня будет не шкет Кирилл, а человек более вменяемый. Например, уже знакомый капитан Тырин. Короче, эта ситуация небезнадежная. Безнадежная другая – что «Лучший в мире...» снова будет доступен лишь пятого января.

Самый зрелый вор, тот, что с расквашенным носом, смотрел на меня неотрывно, с ненавистью. Если бы взгляды убивали, меня бы рассеяло на атомы.

– Чо тарацишься? – не выдержал я. – Думаешь, я тебя не достану?

Я сделал вид, что встаю, – вор вжался в стену, сглотнул и отвел взгляд. Нормально. В том мире я бы побоялся с такими волками взглядом пересекаться, а в этом вел себя наглее. Дерзости прибавилось, видимо, по той причине, что я уже умер. То, что мертво, умереть не может, как говорили в

одной книге.

Заметив проявления агрессии, наблюдающий за нами через решетку Артурка постучал, и я улыбнулся вору, снова посмотревшему на меня:

– Я этого мента знаю, он спасать тебя спешить не будет. Ему своя шкура дороже всего на свете.

Больше старший вор мне в глаза не смотрел, но сидел в напряжении – надерзил уже с лихвой. Не удивлюсь, если все они накинутся на меня одновременно.

Не накнулись. Видимо, держали линию: мы невиноватые мимокрокодилы, он сам всех ограбил и избил.

А у дверей отделения нас уже ждал почему-то веселый капитан Тырин. Он курил у выхода и смотрел на меня как на блудного пса, вернувшегося домой, с укором и нежностью.

– В родной участок – как к себе домой, – сказал ему я, выходя из «бобика» первым. – Доброй ночи, товарищ капитан!

– Доброй или нет, разберемся, – хмыкнул он, выпуская облачко дыма. – Как отличился на этот раз? Опять голым бегал? Или пристрелил кого?

– Принцессу спасал, – ответил я, глядя, как выводят преступников.

Сторожа предъявили последним, он ехал вместе с ментами. Бедолагу так трясло, что он еле ноги передвигал. Тырин забрал у Кирилла бумаги, но в отделение не спешил.

Пока он докуривал, подъехал второй фургон. Да, работа у

стражей порядка, как посмотрю, кипит! Или просто день такой, народ начал праздновать. Праздновать – выпивать, выпивать – чудить. Когда распахнули задние дверцы, я понял, что ошибся. И ощутил себя в дне сурка: одну за другой выводили проституток со скованными наручниками руками – разряженных как новогодние елки, на высоченных каблуках.

– Ты смотри, – улыбнулся Тырин. – Твоих подруг привезли.

Положив окуроч в пепельницу, примотанную к ограждению, капитан качнул головой в сторону отделения:

– Пройдемте, задержанный.

И я поплелся за ним в участок – можно сказать, первое место, с которым я близко познакомился в новом мире, – советское, но в то же время современное. Вывески «СЛУЖУ НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА» и «СИЛА МИЛИЦИИ – В ЕЕ СВЯЗИ С НАРОДОМ!» висели на своих местах, а вот про болтуна, который находка для шпиона, куда-то делась. На ее месте зиял темный на фоне обындевевшей стены прямоугольник. Зато вон круговорот проституток в природе был таким же, как и в прошлый раз.

– Вы, товарищ капитан, вообще не отдыхаете? – поинтересовался я по пути в его кабинет.

Тырин сейчас очень хотел пожрать, а тут я на его голову свалился. Он, по идее, мог бы сплавить меня кому-нибудь, но принял сам. Наверное, из-за звонка Алексея?

– Вот выкорчем всю преступность, гражданин Неруши-

мый, так сразу и отдохнем, – мрачно ответил он.

В кабинете Тырин снял с меня наручники, кивнул на стул напротив стола, я занял его, потер запястья. Капитан направил на меня камеру на треножке, проверил на компе, все ли в порядке с записью, и сказал:

– Здравствуйте. Назовите, пожалуйста, ваши фамилию, имя, отчество.

Глядя в объектив, я представился.

– Гражданин Нерушимый, пожалуйста, расскажите, как вы оказались на месте преступления, что увидели и как себя повели.

Я глазам своим не поверил, потому что Тырин достал ручку, белый лист и принялся записывать мой рассказ. Я так обалдел, что аж замолчал. Зачем? Видимо, бумажка в нашей стране неистребима так же, как и дурацкие фамилии на табличках в кабинетах врачей.

Пришлось снова пересказывать произошедшее, но теперь – в мельчайших деталях. Запутать меня Тырин не пытался, просто записывал мои слова, иногда задавал наводящие вопросы.

Примерно на середине рассказа в дверь постучали, и в кабинет заглянул Алексей, то есть капитан Поддубный, он же лучший боец местного «Динамо». Я думал, Тырин его впустит, но он не стал вмешивать во внутренние дела отделения посторонних, хоть они и коллеги, и велел Алексею подождать. Тот, поймав мой взгляд, на мгновение прикрыл глаза.

Допрос длился еще полчаса, после чего Тырин выключил камеру, забрал подписанный мной протокол, приставил ко мне Гаврилова, а сам куда-то вышел и бродил минут двадцать. Гаврилов забыл о моих подвигах и молчал, не отвечая на вопросы. Видимо, не хотел замазываться в общении с крайне подозрительным типом. Именно к категории таких он меня, очевидно, отнес. И был, честно говоря, прав. Но враждебность эта настораживала. Как бы не запустились жернова Системы, ломающей судьбы.

Вернувшись, капитан Тырин сел на место, подвинул ко мне образец подписки о невыезде.

– Заполняй.

Прежде чем вносить свои данные, я прочел печатный текст, затем – текст, вписанный вручную, меня насторожило, что я прохожу по уголовному делу.

– Что? На меня уголовку завели?

– Один избитый тобой человек между жизнью и смертью, – вздохнул Тырин. – Если он придет в себя и откажется от претензий, а я думаю, он откажется... – Он взял паузу, намекая, что никто не хочет давать ход этому делу. – Тогда, будем надеяться, обойдется.

Я поджал губы, принялся заполнять образец. Закончив, вернул его.

– Можешь быть свободен, – сказал капитан Тырин, протягивая мне отнятое шкетом – билеты на турнир и талоны в динамовскую столовую. – При необходимости тебя вызовут

для дачи показаний.

– Спасибо, товарищ Тырин.

Пожав ему руку, я вышел в коридор, где меня ждали Алексей и Олег.

– Ну ты, блин, счастливчик! – воскликнул блондин и виновато потупился. – И это, я был неправ. Извини.

– В смысле? – уточнил я. – В какой именно раз ты был неправ?

Он оценил иронию, рассмеялся, похлопав меня по спине.

– Наверное, он был неправ в том, что ты выскочка. Ты профи, – холодно сказал Алексей, выйдя на улицу, поправил свою меховую шапку. – Честно, я бы не справился с пятерыми противниками. Кстати, двое из них – бывшие сидельцы, а это ребята серьезные. Дерутся подло, коварно, а мы – подсознательно – все равно по правилам, понимаешь?

– Понимаю, – сказал я. – Но я-то был не один. Рина там была, она кричала, потому я и рванул на помощь.

Алексей покачал головой:

– Я знаю, что там было. Попытка ограбления стройки. Даринка, наверное, проходила мимо, услышала, как вяжут сторожа, и нарвалась. Она склонна переоценивать свои силы. А тот, кто привык отрывать мухам крылышки, рискует рано или поздно накрыть ладонью осу. – Он указал на стеклянную, вполне современную кафешку с вывеской «Шашлычная». – Давай заглянем туда. Жрать больно охота.

Жрать было охота, это правда. Но у меня осталось только

сорок рублей. Буду надеяться, их хватит.

Донесся хохот, и из-за шашлычной вывалилась толпа подростков.

– Я беспредельщик! – заорал мальчишка в красной шапке, сделал зверскую рожу и ударил себя в грудь. – Кто на меня?

На него набросились двое, повалили в сугроб. Четвертый их приятель ударил рукой в дырявое ведро и заорал:

– Бой остановлен!

Алексей наградил этого, с ведром, таким взглядом, что тот потух и попятился.

– Вот уроды! – Алексей сжал кулак.

Рискуя снова прослыть невеждой, я спросил:

– Кто? Мальчишки?

Теперь мне достался его злобный взгляд. Мы переступили порог переполненного заведения, где шел какой-то корпоратив, заняли единственный свободный столик в углу.

– Те, кто учит мальчишек убивать и наживается на этом, – процедил сквозь зубы Алексей.

Я все равно ничего не понял и решил подождать, вдруг станет более-менее ясно.

– Ты слишком категоричен, Лех, – сказал Олег, откинувшись на спинку стула. – Беспредельные бои – отличная школа жизни. И попасть туда легче, чем на официальные.

– Дурак ты, Олежка, – ответил Алексей.

И до меня дошло: те мальчишки изображали беспредельные бои.

– А почему ты так говоришь? – спросил я. – Ну, про уро-
дов, что учат мальчишек убивать?

– А кто они? Уроды и есть.

– Серегу, младшего брата Лехи, убили на беспредельных
боях, – объяснил Олег. – Но там скорее несчастный случай.
Ну, так говорят.

Алексей глянул на него сурово, но никак не прокоммен-
тировал. Сказанного не вернешь. Поднявшись, он спросил:

– Кому какой шашлык?

– Погоди, я с тобой, – сказал я, вставая.

Хотелось самому посмотреть цены на табло-меню и вы-
брать тот шашлык, на который хватит. Оказалось, шампур
шашлыка из свинины стоил двадцать рублей за двести грам-
мов – очень даже по-божески. Его я и заказал, плюс гречку
с луком за пять рублей.

Я вернулся на место, а Алексей остался ждать у стойки,
потом ушел в туалет.

И в этот момент меня озарило. Я же сегодня и до тех пор,
пока не усну, лучший в мире уличный боец! Не боксер, не
борец, а именно уличный боец! Тот, кто дерется без правил!

Сколько там Достоевский обещал за участие? Десять ты-
сяч за победу? Победу в чем? В одном бою или в турнире
каком-то? Эх, надо было уточнить.

От вспыхнувшей мысли сделалось горячо. А что, если
рискнуть и все-таки поучаствовать? Денег, опять-таки, вы-
играть. Да-да, я рискну – напрасно, что ли, «Лучший в ми-

ре» пропадает? Осталось выяснить, где проводятся эти бои и как туда попасть.

– Слушай, насчет этих беспредельных боев... Ты же там был? – спросил я у Олега.

Такой горячий парень вряд ли упустит свой шанс. Но он меня разочаровал, помотал головой.

– Собирался, но как раз накануне Серегу убили. Шею сломали ему, прикинь?

– Они вообще легальны? – уточнил я, напрягшись. – Я имею в виду бои.

– Ну, как тебе сказать. С одной стороны, прямого запрета в законодательстве нет. Если двое дерутся и заявления об этом нет, общественный порядок не нарушается и милиция этого не видит – значит, все нормально. С другой... Подобные массовые мероприятия проводятся под эгидой спортивных соревнований, а на них нужна лицуха. Ее выдают в областном спорткомитете.

– И что? Знают, что на беспредельные бои, и все равно выдают?

– Выдали, – уточнил Олег. – Один раз только было. Кому-то из приближенных фарцовщиков большой Семьи. Какой именно – не знаю, но тут к гадалке не ходи, что самой-самой, – он показал на потолок, намекая на Шуйских.

Я был с ним согласен, раз кто-то из них якшается с младшим Карасиком.

– А где и когда бои проводятся?

– Ты что, поучаствовать захотел? – хохотнул Олег. – Даже не думай! Витаутович узнает, а он узнает, выкинет на мороз! Понял? Покалечишься перед турниром, и прощай, светлое будущее!

В его словах был резон, но «Лучший в мире»! Пропадает же почему зря...

– Ладно, твое дело, – делано равнодушно сказал Олег. – Короче, знаю точно, что перед Новым годом каждый вечер до утра бои идут. Помню, когда Серегу убили, лавочку прикрыли ненадолго, месяц было тихо, но потом снова запустились. Там же огромные бабки крутятся! Большие люди в деле замешаны. Правда, они теперь там все поаккуратнее себя ведут. Если кто калечится, пострадавший уверяет, что сам приложился головой. Или ногой.

– И часто калечатся?

– А поди пойми.

Олег болтал легко и охотно, голос у него был громкий, эмоциональный, я бы сказал, демонстративный – такое поведение характерно скорее для подростка, чем для офицера милиции.

– И что, туда можно тупо прийти – здарсьте, вот он я, биться хочу?

– Да не, ты что. Тебя должен порекомендовать кто-то свой. Ну, свой для них. – Он посмотрел мне за спину и сказал тише: – Леха идет, при нем лучше об этом не говорить.

Н-да, что такое тактичность, Олег, похоже, даже в книж-

ках не читал – сам ведь при друге развил эту тему.

Едва Алексей уселся, молоденькая официантка в белом переднике принесла три шампура, тарелку с гречкой и луком и две – с румяной жареной картошечкой, и стало не до разговора. Хотя Олег умудрялся болтать, едва прожевывая кусок. А я думал о том, у кого же узнать насчет беспредельных боев. Достоевского я отмел сразу, его прихлебателей тоже. Шрек? То есть Костя-Кот? Но захочет ли он мне помогать? Ну, за спрос денег не берут, к тому же в четверке Кирилла он самый нормальный, старается, чтобы все по справедливости было.

– Эх, сейчас бы водочки замороженной под такую закуску! – мечтательно протянул Олег. – Что скажешь, товарищ капитан?

Я думал, что оба спортсмена-милиционера режимят, ведь турнир на носу, да и у такого тренера, как Лев Витаутович, не забалуешь, но, вопреки моим ожиданиям, Алексей согласился.

– А давай! Завтра все равно выходной, Витаутыч пробил нам отгулы, тренировки нет, думаю, грамм по сто можно смело! – Он поднял руку и крикнул: – Девушка, погодите, не убегайте! Организуйте нам графинчик «Столичной» да огурчиков соленых, а?

– Конечно, – откликнулась официантка, улыбаясь.

– Я пас, мужики, – предупредил я, вгрызаясь в истекающее соком мясо.

– С хрена ли? – изумился Алексей. – Мы тут за тебя, понимаешь, задницы подставляем, Тырина из теплой постельки вытаскиваем, проводим профилактические беседы со свидетелем и подозреваемыми, а ты пас? Охренел, Саня?

После такого отказываться было совсем неудобно. Не товарищески.

Глава 4

Блайзер – клубный пиджак

Стоит признать, что тело мое к алкоголю совсем не приспособлено. Это показал и тот вечер с Настей, и вот сейчас – посиделки в шашлычной.

Опрокинув первую рюмку, я поморщился. Вкусовые рецепторы нового тела работали на полную, от вкуса водки чуть не стошнило, а когда она опустилась по пищеводу в желудок, лицо обдало жаром.

– Закусывай! – посоветовал Олег, глядя на меня.

Я закусил мясом, и он удовлетворенно кивнул. Я же подумал, что недоглядел при генерации тела. Наверняка пропустил что-то, от чего у меня непереносимость алкоголя.

Выводы сделал, решив не усугублять: когда Алексей начал разливать по второму кругу, я накрыл рюмку ладонью.

– Не, мужики, я пас, – сказал, не особо изображая заплетаящийся язык. – Неприученный у меня организм... Короче, мне уже нормально.

Алексей, переглянувшись с Олегом, пожал плечами:

– Ну, как знаешь.

– Но ты все же это... – добавил Олег. – Организм-то приучи! А то недолго продержишься в рядах доблестной советской милиции, ха-ха! Коллеги не поймут.

Засиживаться не стали: доели, допили и вышли на мороз. Прогулялись квартал вместе, обсуждая Витаутовича и грядущий турнир, и распрощались на перекрестке. Олег жил с родителями, а Алексей – с молодой женой, ждущей ребенка, в полуторке.

Машины ни у кого из них, как я понял, не было, и потому-то оба так рвались на турнир. Официальные призы там, конечно, так себе, но вроде бы родная милиция готова некисло наградить тринадцатой зарплатой и всяческими премиальными, если парни не посрамят, защитят и прочая, и прочая.

Отблагодарив их за то, что выручили, я легкой трусцой, чтобы выветрился алкоголь, пробежался до четвертого отделения, думая, как бы отловить Шрека, у которого сегодня до утра дежурство и он наверняка на вызове.

Если долго буду ждать на морозе – околею. Если пойду в отделение – не избежать вопросов. Может, написать ему? Ведь странички каждого есть в общем доступе. Пока думал, добежал до отделения и даже согрелся.

На мое счастье, у отделения стояли две хаммерогазели, одна – та, в которой меня привезли: я вспомнил номер, спасибо памяти. Осталось дожидаться парней, отвести Шрека в сторонку и потолковать с ним о беспредельных боях.

Похоже, удача сегодня была на моей стороне. Не прошло и пяти минут, как на пороге появился шкет, за ним вышел Артурка, замаячила огромная туша Шрека в форме. И где

они взяли такую огромную шинель? Наверное, или на заказ шили, или из Москвы выписывали.

Видимо, не до конца выветрившийся алкоголь глушил рефлексию, и я ринулся парням наперерез, пока они не погрузились в машину. Артурка меня заметил первым, схватился за кобуру, попятился. Шрек подтянулся, набычился – видимо, они подумали, что я так решительно на них наступаю, чтобы отомстить. Предвосхищая вопросы, я вскинул руку и взял быка за рога:

– Я поговорить. Мне Шрек... То есть Кот нужен.

На лице шкета проступило облегчение. Зато Кот озадачился, вытаращился изумленно:

– Чего тебе?

Я шагнул к нему и сказал:

– Отойдем. На пару слов. – Кот, помня мои бойцовские подвиги, остался на месте, и я успокоил его: – Не ссы, никаких претензий, просто на пару слов.

– Вали уже. У тебя есть, – Шкет демонстративно посмотрел на часы, – полторы минуты. У нас вызов!

Мы отошли метров на двадцать, я принялся пританцовывать, чтобы хруст снега помешал узнать, о чем пойдет разговор.

– Ну, чего тебе? – спросил Шрек примирительно. – Ты это, не держи камень-то за пазухой. Мы ж при исполнении были...

Он тоже решил, что я устраю разборки, и моя просьба его

ошарашила:

– Займи денег рублей пятьдесят. Верну до Нового года. И еще один вопросец.

Стоит отдать Коту должное, он не отказал, скорее обрадовался – вынул из кармана две двадцатки и десять рублей монетой.

– Держи. Что за вопросец? Только давай скорее. – Кот нервно покосился на свою группу, напряженно глядящую в нашу сторону.

Действие алкоголя вышло, нечеловечески захотелось спать, и я по возможности быстро проговорил:

– Мне нужно на беспредельные бои. Участником. Где они проводятся и как туда попасть?

Только сейчас до меня дошло, что, возможно, тогда, в общаге, Артурка наплел про бои, чтобы меня напугать, и, если так, считай, план накрылся, а я, что называется, спалился перед недругами.

Кот посмотрел задумчиво, помолчал, видимо, взвешивая, отвечать или нет, и сказал:

– В лигу тебя не возьмут, туда пробиваться надо через мясо.

Слава богине, не соврал Артурка! Кот действительно «в теме».

– Что за мясо? – поинтересовался я.

– Мясо, свежее мясо – так называют рубку, в которой может участвовать любой. Обычно требуется, чтобы тебя реко-

мендовал кто-то из бойцов, но это не строго. Бои мяса проводятся каждую ночь по выходным. Перед Новым годом – неделю без перерыва. Начало в полночь.

– Еще что-то? Как противники? Весовые категории? Правила? Судьи?

– Забудь, – зевнул Шрек, снова глянув на свою группу, и договорил торопливо: – Клетка шесть на шесть метров. Заходят двое, выходит один. Второго выносят. Никаких правил, судей, только вы двое и зрители.

– Где?

– Возле промзоны, микрорайон 100 лет Октября, он новый. Но таксисты знают. Магазин в цоколе. Две двери, тебе нужна одна из них, уж не помню какая. Стучать три раза по три. Кодовая фраза «Я привез мясо». Запомнил?

– Я привез мясо, – повторил я.

– В общем, найдешь... – сказал он и пробормотал виновато: – Ладно, мне пора, Саня.

– Спасибо, – поблагодарил я и добавил с нажимом: – Разговор – между нами.

– Да что я, падла какая-то, – обиделся Кот. – Конечно, между нами. Скажу, что денег тебе занял: и не совру, и тебя не подставлю. Удачи!

Все-таки не ошибся я в Косте. Мы ударились сжатыми кулаками, и он поплелся к машине, которая уже завела мотор.

Такси на окраину стоило двадцать пять рублей. Деньги, одолженные Шреком,годились – мне же еще назад воз-

вращаться.

Мороз крепчал, в носу щипало от холода, и казалось, что пар изо рта не поднимается высоко, а кристаллизуется и сразу опадает.

Машина приехала минут через пять – желтая, каплеобразная, с шашечками. Кузов был стилизован под шестидесятые, даже дверцы открывались от себя. За рулем сидел позевывающий молчаливый водитель, пожилой крепкий дядечка, который лишь кивнул мне, когда я назвал адрес.

Во вполне современном салоне пахло карамелью. Меня окутало тепло, и глаза начали смыкаться сами собой. В последнее время я много работал физически, уставал, долго и сладко спал ночами, потому бодрствовать до соревнования не вариант, выключит, и талант перестанет работать. Может, и не перестанет из-за двух минут сна, но рисковать я не могу.

Помню, в прошлой жизни в юности мне довелось не спать две ночи, так я уснул в автобусе по пути в универ. Стоя. Держась за поручень.

А если пойду на турнир невыспавшимся и усталым, никакой талант не поможет, ведь организм не обманешь. Если упаду на ринге, то буду не усиленно вставать, а жадно дрыхнуть, и засчитают нокаут.

Тем временем машина свернула с центральной улицы во дворы и долго ехала мимо пятиэтажек, мимо заборов промзоны, мимостроек, где, будто скелеты динозавров, замерли краны. Буквально физически ощущалось, как истирается

грань дозволенного и появляются белые прорехи пустырей, где под снегом не пойми что. Казалось, стоит прикоснуться, и это тeneвое, недозволенное, вцепится, утянет в мир криминала, и прощайте, Лев Витаутович, и футбольный тренер Белькевич.

Утешали мысли о том, что даже менты участвуют в таких боях – взять того же Кота-Шрека. Да и Олег туда подался бы, не случись трагедии с братом Алексея.

Ведь не просто так говорят: один раз – не ловелас... Ничего, в общем, страшного.

– На месте, – вывел из раздумий голос таксиста.

Встрепенувшись, я огляделся и, пока вытаскивал мелочь из кармана, попытался сообразить, куда идти. Приехал я в микрорайон, состоявший из пары десятков пятиэтажек. Шрек говорил, нужен магазин в цоколе, он один тут такой. С обратной стороны дома – две железные двери.

– Э, парень, кажется, я знаю, куда тебе надо. Во-он туда. Видишь крайний дом на возвышенности? Извини, не поеду туда, там горка, ее снегом засыпало – забуксую, у меня резина не шипованная.

Я напрягся и вспомнил, как Шрек говорил, что таксисты в курсе, где проводятся бои. Хотя чего это я, в маленьком городе таксисты всегда в курсе всего. Нужно что-то выяснить – спроси у таксиста.

Взяв деньги, он посмотрел на меня с сочувствием, цыкнул зубом и сказал:

– Ты же биться идешь?

Хотелось как-то оправдаться, что-де к девушке приехал, но я не стал – незачем лишнее вранье, когда он и так все понял и выводы сделал. Да и какое мне дело до мнения незнакомого таксиста?

– Откуда вы знаете?

– Другие сюда не ездят, – ответил он.

– Ну мало ли. А вдруг я зритель?

– Хех, – усмехнулся он себе в усы. – Скажешь тоже! Зритель! Я что, зрителя не знаю? Зритель туда идет нарядный, благоухающий, ибо идет развлекаться, девочку снять, на вас, горемычных, поглядеть, как вы кровью умываетесь. А ты, сразу видно, не в роскоши живешь.

– А если бы я работал там?

– А если б работал, погнали бы тебя уже поганой метлой оттуда! За опоздание! – прикрикнул он, а потом тяжело вздохнул: – Не ходил бы ты на то рубилово, парень! Поберегся бы. Давай ты туда не пойдешь, а назад я тебя бесплатно повезу?

– Мне надо.

– Надо так надо. Тогда удачи тебе, парень. Она тебе понадобится.

– Спасибо, отец. Хорошего вам вечера! – ответил я, улыбаясь.

– Бывай.

Машина укатила, и я остался один. Зябко повел плеча-

ми и направился к пятиэтажкам. Поднимаясь по обледеневшей улице, чертыхнулся: район был построен по правилам античной фортификации – на возвышенности. Судя по сухим стеблям камыша, тут в низине окрестности летом подтапливало.

До чего же не хотелось идти в этот подпольный бойцовский клуб! Черт, да кого я обманываю? Я не люблю драться! Я же и в бразильское джиу-джитсу пошел, потому что там по лицу не бьют! Хотелось вернуться в общагу, принять горизонтальное положение и заснуть.

Взрослый во мне, тот, что Звягинцев, начал побеждать. Саня, давай домой, не дури! Олег предупреждал, что Витаутович узнает, а тренер сейчас – самый короткий путь к вершине. Без него снова окажешься обычным уборщиком в «Динамо»!

Но настоящий я, молодой Саня Нерушимый, в котором каким-то образом рациональность уживалась с авантюризмом, решил: «Во-первых, талант пропадает. Во-вторых, опыт получу, и, если выиграю да без травм обойдусь, Витаутович, как настоящий тренер, будет доволен. А запрет он поставил, чтобы его бойцы калеками не остались, ибо бережет своих парней. В-третьих, иди-ка ты на фиг, Звягинцев. Это мое тело, мой мир и мои решения. А я тут деньги на такси у Шрека в долг беру. Это нормально? Нормально, что взрослый мужик побирается?»

Звягинцеву ответить на это было нечего. К тому же сразу

после этого короткого внутреннего диалога раздвоение личности исчезло, а я ощутил еще кое-что вроде интуиции: нужно идти и участвовать, потому что это как-то поможет.

И я пошел дальше.

Таксист не обманул: продовольственный магазин, украшенный дождиком, увешанный стеклянными шарами и еловыми ветками, находился в цоколе крайнего дома. По огромному черному стеклу витрины бежал текст: *«С наступающим Новым годом! Магазин работает до 22:00. К сожалению, в данный момент мы закрыты»*.

На другой витрине высвечивался таймер: 23:44.

Ничто не намекало, что здесь, на краю городской географии, проводится небезызвестное мероприятие: кругом ни души, лишь девочка ведет на поводке черного терьера, помечающего маршрут. Да еще скопление крутых машин возле магазина наводит на мысли о том, что кто-то статусный что-то празднует. «Чайки», похожие на лимузины, но более обтекаемой формы. Массивные «Волги», среди паркетников я узнал «Ниву». Залип возле огромного внедорожника с открытым кузовом, похожего на «Тойоту-Секвойю» из моего мира. А это что? «Москвич»! Мама родная!

Я поймал себя на том, что оттягиваю неприятный момент, и заставил обойти дом. Постучал в одну дверь, синюю, с надписью «Посторонним вход запрещен», во вторую, зеленую, в пятнах ржавчины. Подождал немного, снова постучал, но никто мне не ответил.

Чтобы согреться, я собрался обойти здание и в цоколе обнаружил лестницу, ведущую вниз. Спустился, постучал три раза в железную дверь с изображением черепа, перечеркнутого двумя молниями. Еще три раза и еще три. Замер, прислушиваясь.

За дверью завопили, женским голосом сказали:

– Сегодня прием товара закончен. Уходите.

Чужим охрипшим голосом я произнес кодовую фразу:

– Я привез мясо.

Щелкнул замок, и я засомневался, что все правильно сделал, передо мной стояла самая настоящая сторожиха: в сизом халате, как у школьной технички, с прической «одуванчик», она же «химия», ярко-красной помадой. Было этой даме, обильной формами, на вид лет сорок.

Дверь за моей спиной захлопнулась, отсекая от мира, где все просто и понятно, и я оказался в предбаннике, оплетенном проводами и похожем на электрощитовую. Но дверцы трансформатора распахнулись, выпуская густой сигаретный дух и двух амбалов в белых рубашках и черных брюках. Один обыскал меня со знанием дела и кивнул на напарника:

– Иди за ним.

И я пошел туда, откуда тянуло сигаретным дымом, перемешанным с дамскими духами, доносились звон бокалов, вскрики и женский смех.

Метров шесть-семь мы шли по узкому коридору, освещенному трескучими люминесцентными лампами, уперлись

в дубовую дверь с резной медной ручкой.

– Кто тебя рекомендовал? – спросил амбал, нажал на кнопку звонка.

– Костя-Кот. Большой. Из ментовки.

Амбалу тут же открыли.

Мы остановились в просторном затемненном помещении, наполненном мужчинами во фраках и пиджаках, дамами в разноцветных платьях. Под легкую музыку из-под потолка летели блестящие конфетти, ложились под ноги разноцветным снегом, оседали в белых, черных, рыжих женских волосах.

К нам прошмыгнул длинноносый парень с красным галстуком и бейджем, на котором было написано «Велимир». Я его мысленно окрестил Крысом.

Амбал кивнул на меня:

– Мясо привезли.

– От кого?

– Говорит, Кот прислал.

– Какой именно?

– Тот, что мент. Здоровый такой.

Парень закатил глаза к потолку:

– Кот, Кот... Костя, что ли? Костя Жиробас? – Крыс хотнул, обратился к амбалу: — Жиробас мясом начал торговать! Вот жук, а? Один раз побывал здесь, просрал единственный бой, а все туда же!

– А что с ним не так? – поинтересовался я.

– Говенный боец. Но свой куш с твоих призовых получит. Не ссы, контора платит, не ты. Ладно, давай за мной, – деловито распорядился Крыс, увлекая меня за собой. – У тебя будет пять минут на переодевание. Правила, уверен, знаешь, раз сам пришел...

Лавируя между посетителями, мы прошли мимо, очевидно, ринга в центре зала, где парень в такой же рубашке, с таким же галстуком, как у Крыса, торопливо отмывал пол от крови.

В конце зала Крыс отодвинул зеленую бархатную штору, скрывающую дверь. Впустил меня в комнатушку, пропахшую потом и носками, где бойцы ожидали своего выхода.

Я обернулся, чтобы спросить его о правилах, но дверь перед моим носом захлопнулась.

– Твою мать, – невольно сорвалось с губ.

Я плюхнулся на лавку и принялся стягивать одежду, поглядывая на собравшихся. Восемь человек. У всех, кроме меня, на красной ленте висели номера.

Кого тут только не было, даже алкаш с сизым носом, который едва держался на ногах. Вспомнилось, как похожий тип играл в футбол, и я оставил презрение при себе. Если это бывший чемпион, даже в таком состоянии он уделает двух вон тех моих ровесников, длинных и жилистых. Да и того обрюзгшего дяденьку. Тут был еще один возрастной тощий мужик лет пятидесяти. И четверо мужчин в хорошей форме, им всем около тридцати лет.

Стали понятны слова Шрека о том, что это даже не низшая лига, а свежее мясо, из которого можно попытаться пробиться в профессионалы. Теперь-то я оценил предложение Достоевского, который, впечатленный моей расправой над Длинным, сразу позвал в профессиональные бои. Ну, так-то они, конечно, не профессиональные, никто бойцам официальные призовые не платит, но они ведь живут с этих заработков? Значит, профи.

Я переоделся, зашнуровал убитые кроссовки – те, что пожаловал Достоевский и что не до конца отстирались от цемента, – потом обратился ко всем:

– И че теперь делать?

– В первый раз тут? – оживился сизоносый, глаза его заблестели.

– Ага. Что это у вас за номерки?

– Десять рублей, пацан, и все расскажу как на духу.

– Шли его в жопу, – сварливо сказал обрюзгший дяденька. – Тоже мне нашелся консультант, епта.

– Шучу, шучу, – неразборчиво забормотал сизоносый. – Короче, пацан, тебе тоже должны дать номерок. Потом мы это... выйдем в клетку и, короче, будем тянуть номерки. Вот кому выпадет, тот с тем и бьется. Так всегда. Это первый круг. Потом проигравшего уносят...

– Да что ты парня пугаешь? – проговорил возрастной. – Унесут тебя. Остальные сами уйдут.

Я разглядел у него татуировку на пальцах, но пялиться

было неприлично, тем более в его кругах, и я отвел взгляд.

– Сегодня раунд – четыре минуты, – продолжил возрастной, – приз победителю – десять тысяч. Финалисту – пять. Каждому участнику – пятьсот рублей. Жирный день, нормальный. Вчера меньше денег было. Потом начнется второй круг, мусор всякий на этом этапе отсеется. Гости сделают ставки. Победитель получит пять процентов от выигрыша и право участвовать в младшей лиге. Тебе повезло, к концу отбора пришел, нас тут тридцать два человека было...

Его прервал Крыс, распахнувший дверь.

– Бойцы – на выход, – скомандовал он.

Потом подошел и повесил мне на шею ленту с номерком. Я тотчас развернул его: мне предстояло биться под номером «33».

Друг за другом мы отправились на ринг, где выстроились кругом. Люди начали приближаться, не заходя за начерченный на полу красный то ли круг, то ли восьмиугольник. Казалось, что взгляды у них липкие, как пиявки.

Приглушенный свет в зале погас. Грянула барабанная дробь, заглушив все звуки. Вспыхнули прожекторы на потолке, направили свет на нас, бойцов, – с непривычки я прикрыл глаза рукой.

Наверное, что-то подобное испытывал гладиатор на арене. Неприятное ощущение.

Барабанная дробь стихла так же внезапно, как началась, и к нам вышла фигуристая женщина со стеклянной штукови-

ной, похожей на маленькую шарманку, где угадывались номерки. Прокрутив ручку, она поймала выпавшие номерки и громогласно провозгласила:

– Номера восемь и тридцать три!

Сердце заколотилось. Вот так сразу? Бойцы начали расходиться. Со мной остался возрастной мужик с татуировками на пальцах, который вводил меня в курс дела. Осмотрел меня уже другим взглядом под шум аплодисментов, чиркнул по горлу пальцем.

Ну да, зрители требуют зрелищ. А хрен вам, падальщики. Я остался стоять неподвижно. Выбежал коротконогий судья, скрестил руки на груди. Ага, судьи все-таки есть... Что ж, это радует. Значит, убивать друг друга здесь не позволят.

Я вздрогнул, когда из-под земли с лязгом выдвинулись стальные прутья, огораживая поле боя. Прожекторы погасли, остались лишь две яркие лампы. Пока мой противник обходил клетку, заигрывая с публикой, я перебирал лица, надеясь не встретить знакомые.

Вот, кажется, мелькнул Достоевский с черноволосой женщиной под руку, растворился во мраке, затянутом табачным дымом. Какая-то безумно красивая девушка с шальными глазами в соболиной шубе, а рядом с ней еще две, с лицами презрительными и злыми.

Противник повернулся ко мне: битый жизнью мужчина с синяками под глазами, такие появляются от недосыпа или из-за проблем со здоровьем. Он разорвет меня за возмож-

ность получить десять тысяч, а я его – нет. Наоборот, постараюсь контролировать силу и сделать так, чтобы он не сильно пострадал.

Клетка захлопнулась, что-то под потолком взорвалось, зашверкало. Ведущий, в котором я узнал Крыса, переодевшись в сияющий пиджак, завопил:

– Дамы и господа! Первый бой нашего сегодняшнего вечера! Номер восемь против номера тридцать три! Вы позволите начать поединок?

– Да!!! – откликнулись в зале.

– Мясо, убейте друг друга! – иступленно заорал в микрофон Крыс.

Противник зарычал и под рев публики побежал на меня.

Я нанес один удар и скользнул в сторону. Мужик по инерции пронесся к прутьям, врезался и рухнул на пол. Я сложил руки на груди, ожидая, когда меня выпустят.

Несколько секунд ошеломленной тишины... и восторженный рев трибун, перекрываемый воплем Крыса:

– Да-а-а!!! Номер тридцать три побеждает!

Глава 5

Эта нога – у того, у кого надо, нога

Удивило, что никто не стал отсчитывать секунды, позволяя моему противнику подняться. Крыс объявил, что я победил, после чего судья, до того стоявший без дела, подбежал и вскинул мою руку.

– Дорогие гости, смелее чествуем победителя! – заорал Крыс.

Снова вспыхнули прожекторы, ослепили меня, и лица за прутьями слились в черную колышущуюся массу.

Я понимал, что происходит. Победителю боя даже такого ничтожного уровня, низшего среди турнира для мяса, дают свою толику славы, запускают эндорфиновую карусель в крови, дабы он проникся и желал еще, и еще, и еще.

Тем временем мой соперник встал, держась за железный прут. На его лбу наливалась багрянцем полоса от столкновения с ограждением, а во взгляде читались недоумение и досада.

Спустя где-то минуту ограждение втянулось в пол, и боец, проигравший схватку с прутьями, отшатнулся, снова упав на задницу. К нему подошел амбал, вздернул за шкурку и повел к выходу. Проигравший шел, понурившись, опустив плечи, и нарядная публика, присыпанная блестками, расступалась,

шарахалась от него, словно могла заразиться невезением.

Меня же Крыс повел путем победителя – к шторе, за которой обнаружилась другая дверь. Крыс открыл ее, и я оказался в раздевалке, похожей на первую, только потом тут пахло сильнее, и было, не считая меня, двенадцать бойцов – тех, что прошли отборочный тур.

Среди прочих выделялась растопырившая колени накачанная женщина лет тридцати пяти, ростом превосходящая многих мужчин. Она пила, жадно присосавшись к бутылке. Проскользнула мысль, что я идиот, так спешил, что даже воды с собой не взял. Женщина же, напившись, вытерла рот предплечьем. Очень некрасивая женщина: глазки-буравчики посажены так глубоко, что их едва видно, надбровный валик, скошенный лоб, нос картошкой.

Собравшимся здесь предстояло подождать, пока сразятся остальные. Судя по моему номеру, бойцов получилось нечетное количество – тридцать три, значит, во втором круге должно участвовать семнадцать человек.

В этой раздевалке явных рахитов наподобие тех возрастных мужиков и сизоносого алкаша не наблюдалось, и все равно большинство участников было изрядно помято не в боях, а жизнью.

Понятно почему. От хорошей жизни сюда не шли: госслужащим, обеспеченным государством, незачем было рисковать здоровьем. Значит, рисковала либо молодежь, жаждущая легких денег, как эти студентики, либо те, кого на ста-

бильную высокооплачиваемую работу не брали: обанкротившиеся фарцовщики, бывшие сидельцы и прочий лихой люд.

Например, вон тот сизый от наколок лысый здоровяк со шрамом от брови до середины лба – точно сиделец. И вон тот тощий, со впалой грудной клеткой и землистой кожей. На что он рассчитывает? Видно же, что его соплей можно перешибить. Наверное, его, как и алкоголика, который вряд ли пройдет во второй тур, прельщали пятьсот рублей, обещанных за выход на ринг.

Два участника получили травмы: у одного заплыл глаз, второй держался за грудную клетку.

Царило молчание, все друг друга рассматривали, пытаюсь определить самых сильных бойцов. Я опасным не выглядел, и на мне взгляды долго не задерживались. Заговорить со мной тоже никто не пытался, как и я с ними. Смысл?

Получалось, игра шла втемную: мы не видели бои предстоящих соперников, просто ждали своего часа, а значит, во время поединка тактика противника станет сюрпризом. Что ж, так даже лучше. Наиболее опасным мне показался накачанный длинноволосый узбек, похожий на индейца, и коротко стриженный типичный бык со стеклянным взглядом, замерший возле стены. То, что он именно узбек, я прочитал в его желании: он хотел в младшую лигу и отправить денег жене в Самарканд, а также – славы, денег и красивых женщин. Некрасивые у него, вероятно, и так были.

А вот бык хотел... Поскорее закончить и свалить домой.

Так, стоп. Не денег хотел. Не женщин. Я посмотрел на него внимательнее: неоднократно сломанный нос намекал, что этот парень – опытный ударник. Значит, скорее всего, он подсадной профи и находится на работе. Что ж, логично: перед Новым годом ставки растут, нерационально отдавать деньги не пойми кому, вот и выписали этого бойца откуда-то издалека, своих-то все знают. Его задача – положить соперников. Зачем? Затем, что ставки у публики в зале велики. Организаторам не десятки тысяч жалко, обещанных победителю, тут в другом дело.

Это бизнес. Подпольный, но покрываемый на самом вер-ху, а может быть, даже поощряемый товарищем Горским по каким-то одному ему ведомым причинам. Для государства цели в выбраковке, социальном лифте и отборе лучших. Разумеется, неформально, потому что противоречит идеологии. Для организаторов бизнес в другом: заработать. А для этого нужно поставить на заведомо известного победителя.

Пришлый бык навалает всем, а потом растворится в небытии. Что ж, не повезло нам: и мне, и быку. Ему – потому что огребет от меня по полной, а мне – потому что неизвестно, какотреагируют его хозяева, когда он проиграет. Вдруг не простят потерю денег и прирежут где-нибудь в подворотне?

Да и спарринг-партнерам быка не повезло, вон кулачища какие, этот зверь вряд ли кого-то будет щадить...

Хлопнула дверь, и все обернулись: вошел один из жили-стых парней, уселся рядом со мной на лавку, хлопнул по ла-

дони такого же юноши, потом другого. Видимо, группа студентов решила подзаработать к праздникам. Вошедший что-то зашептал приятелю, поглядывая на раскочанного узбека. Эх, парни, не там опасность видите! Ничего говорить я им, само собой, не стал.

Каково же было мое удивление, когда вошел сизоносый алкаш! Опыт не пропьешь, вот уж точно. Окрыленный успехом, он погрозил мне пальцем:

– О, и ты тут, баклан? Смотри у меня! И вы все...

На полуслове он чуть ли носом столкнулся с узбеком, который дернул грудной мышцей, и алкаша словно отбросило на скамейку ударной волной. Тот сразу расхотел хорохориться и прижался к стене, притворился ветошью.

А может, узбек тоже подсадной? Я сфокусировался на нем еще раз: нет, он, как говорится, с улицы и очень хочет победить.

Следующим вошел еще один юноша, протопал к приятелям, сбившимся в стайку. Вспомнилось: «Студентики, что ж вы себя-то не жалуете». Через пять минут вкатился маленький азиат, то ли казах, то ли киргиз, а может, вообще уйгур – раскочанный, с длинными мускулистыми руками и короткими ножками.

Не успел азиат осмотреться, как Крыс распахнул дверь и крикнул:

– Бойцы – на выход! Объявляется второй круг!

Стоящие направились за Крысом, сидящие поднялись.

Женщина оказалась выше узбека. Если бы Ирина Тимуровна занималась всю жизнь, она, наверное, имела бы такие же плечищи и спину.

Зря я понадеялся на легкую победу, среди претендентов было как минимум три неплохих бойца. Во всяком случае, так показалось на первый взгляд.

На ринге мы опять выстроились кругом. Вспыхнули прожекторы, ослепили, грянула барабанная дробь. Появилась красавица со стеклянной шарманкой, продефилировала по рингу, достала номерки...

– Тринадцать и два! – провозгласила она в воцарившейся тишине, показала цифры толпе.

Крыс начал собирать бойцов, чтобы вести их в раздевалку. Подобные ему – сновать по залу, принимая ставки. На ринге остались женщина и один из студентиков, поглядывающий на удаляющихся приятелей обреченно, как жеребенок, которого русская женщина собралась останавливать на бегу. Женщина смотрела на него, презрительно улыбаясь, – чувствовала превосходство.

Кто победил, а кто отсеян, мы не узнали – победителя увели в пустую раздевалку, где будут собираться выигравшие бойцы. А нас будут снова и снова сгонять в эту.

Каждый раз, когда заканчивался бой, Крыс выгонял нас на ринг. Ей-богу, как проституток в борделе на выбор клиенту. Как это происходит, рассказывали друзья-приятели в той жизни. Когда Алена умерла, заманивали, считали, что

поможет оправиться...

После первой победы я не чувствовал ни волнения, ни возбуждения. Мысли мои были, наверное, как у того быка – быстрее бы закончить и домой.

И следующим, после женщины и студентика, выпало биться мне. Соперником моим стал... алкаш. Ну что за напасть, одни калеки в партнерах, даже не размяться! Или мое сражение с пятью ворами можно считать зарядкой?

Сизоносый казался себе великим мастером, бил себя в грудь, как Кинг-Конг, чем веселил публику. Вспомнился дядя Михась, с которым недавно играл в футбол, – тот же самый типаж.

Сизоносого знали, он, похоже, был любимчиком публики среди определенных слоев, а потому его подбадривали выкриками:

– Ну ты демон, Димон!

– Разорви его, Димон!

Сизоносый Димон показал кому-то победный жест, и тот пришел в восторг:

– Боюсь – от страха срусь! Красава, Димон!

– Дай «пять», Димон!

Кому пошел давать «пять» сизоносый, я так и не выяснил, потому что встретился взглядом с красавицей в соболиной шубе, потягивающей коктейль через соломинку. Рядом с нею стояли еще две привлекательные девушки, но именно от ее красоты у меня перехватило дыхание. Я не мог отвести

взгляд от ее глаз, и она смутилась, отвернувшись.

– Этому придурку везет с противниками, – буркнула она подруге, стоявшей слева.

– Не спеши с выводами, – ответила та. – Урка этот непростой...

В этот момент к нам выбежал судья с электрошокером. В его функции входило следить, чтобы бойцы не покалечили друг друга, и нейтрализовывать тех, кто слишком увлекся. Выстрелили прутья из пола, едва не нанизав алкаша, грянул гонг, но сизоносый продолжал красоваться, застывать в нелепых позах, демонстрировать бицепсы. Прислушавшись к его желанию, я осознал, что он исполняет роль клоуна ради зрительских симпатий, а сам до смерти ненавидит их всех и с удовольствием перегрыз бы каждому глотку.

Судья похлопал его по плечу и указал на меня. Разболтанный алкаш перевоплотился, стал сосредоточенным, злым. Встав в боксерскую стойку и загребая руками, он крикнул:

– Давай, сука!

Я не сдвинулся с места, решив тоже поиграть на публику – встал в неверную стойку. Наметанный глаз тех, кто это затеял, должен определить во мне дилетанта. После первого боя, выигранного одним ударом, убедить публику в этом будет сложно, но можно. Пусть считают, что тогда мне просто повезло. Затаял я это для того, чтобы они ставили против меня и я получил больший процент от выигрыша.

Сизоносый, поняв, что нападать я не собираюсь, атаковал

сам. Надо отдать ему должное, двигался он хорошо и неплохо работал не только руками, но и ногами. Ну, как неплохо – для алкаша. Против лучшего в мире уличного бойца все это не играло вообще никак. По сути, я сам подставлялся под его удары, чтобы собрать против себя еще больше ставок.

Воодушевленный «попаданиями», алкаш усилил натиск, и публика заорала еще громче:

– Давай, Димон, мочи студента!

Ага, вот и меня приняли за студиозуса. Нормально.

Выждав еще с полторы минуты и пропустив три касательных удара, чтобы получить ссадину, я перестал поддаваться и поймал алкаша на противоход. Как и в первом бою, хватило одного удара, чтобы свалить его. Бой на этом должен был закончиться, но я недооценил кураж противника. Еще бы, ведь он явно побеждал! А студенту просто повезло!

Алкаш начал подниматься, но бить его еще сильнее мне не хотелось. И так сотряс гарантированный, так что я, не дав подняться, зашел ему за спину и придушил.

Мой противник, видимо, пропил не все мозги, потому не стал сопротивляться, застучал по полу, требуя пощады.

Судья вскинул мою руку.

– Побеждает номер тридцать три! – немного кислым голосом объявил Крыс.

Публика вяло заплодировала. В лежащего на полу поверженного алкоголика, а некогда неплохого спортсмена Димона посыпались монетки. Оживившись, он принялся ползать

на четвереньках и собирать их. Публике зрелище понравилось, на алкаша посыпался дождь из медяков. Отрабатывая деньги, он вскочил и под женский хохот разорвал на груди майку.

Прутья решетки втянулись, амбал попытался увести алкаша, набравшего пригоршни монет, но он уходит отказывался, пришлось его чуть стукнуть. Меня Крыс повел в раздевалку, где сидела победившая женщина.

Прислушавшись к ее желаниям, я понял, что она догадывалась о подставном игроке, и больше всего ей хотелось узнать, кто это. «Кто же ты, падла?» – мысль прямо прорезалась у нее на лбу.

Шагнув к ней, я шепнул на ухо:

– Это точно не я.

Забавно было видеть растерянность на ее некрасивом суровом лице. Я сел рядом, она спросила так же шепотом:

– Знаешь кто?

Я склонился, делая вид, что поправляю шнуровку на кроссовках, и прошептал:

– Понаблюдай, проанализируй – поймешь.

Сказав это, встал и прислонился к стене.

Следующий после нас с Димоном бой длился всего минуту. Распахнув дверь, вошел подставной бык, снова привалился к стене и замер. Женщина смотрела на него так, словно собиралась в горло вцепиться. Похоже, поняла. Жаль, что я не видел бои и не могу оценить технику бойцов. Ясно одно:

все знают, что ставки к праздникам растут, и те, кто что-то из себя представляет, на бои приходят именно сейчас, дабы не расплытаться по мелочам.

Следующим вернулся зэк со шрамом на лбу. Потом знакомый студентик. Поискал взглядом приятелей, не нашел их и потух.

Шестым явился низкий длиннорукий азиат с залитым кровью лицом. Сел, запрокинул голову, придавив рассеченную бровь ладонью. Я прислушался к нему и узнал, откуда он: киргиз. Больше всего на свете он сейчас мечтал попасть во Фрунзе и провести Новый год с семьей.

Как и бык, длинноволосый узбек тоже расправился с партнером быстро, осмотрел каждого из нас, пытаюсь понять, кого стоит опасаться.

Восьмым был поджарый мужчина средних лет. Девятым – студентик, из шести их осталось двое.

В третьем круге мне выпало драться в первой паре. Противником стал один из студентиков, шустрый и ловкий, но щедущий. То, что он дошел до этого раунда, уже было похвально. У парня всю шла сессия, с утра планировался экзамен по матанализу, поэтому бить его по голове я не стал – немного погонял по рингу, а потом повалил и заломал руку. Он терпеть не стал, сдался сразу.

К четвертому кругу нас осталось пятеро: я, женщина, киргиз, узбек и бык-подставной. И снова мне достался самый слабый противник – киргиз. Я хотел показать шоу собрав-

шимся и погонять его хотя бы минуту, но оказалось, что скоростью этот парень мне не уступает и играть с ним опасно.

За эту минуту, пару раз достав меня и «пробив» блок – то есть я дал ему поверить, что он пробил меня, – соперник поверил в быструю победу и попер буром.

– Осторожно, пятый! – предупредила его какая-то женщина. – Он опасен! Он играет с тобой!

– Тридцать третий, ввали ему! – крикнул сзади какой-то мужчина.

– Не приближайся, он тебя завалит! – завизжала женщина, болевшая за киргиза.

Видимо, она поставила на него. Подпустив его поближе, я сделал подсечку, повалил соперника и начал его душить. Он отказывался сдаваться, ерзал, пытался меня достать свободной рукой. И так и обмяк, но не сдался.

На ринг вышли оставшиеся бойцы.

Жеребьевка прошла сразу. Выпало драться женщине и узбеку. Потом – узбеку и подставному. Я мысленно молил богиню, чтобы подставной достался мне и у кого-то из этих честных ребят появился шанс на второе место, но нет, последний бой в четвертьфинале выпал узбеку и быку.

Мы с женщиной молча ждали результата долгих пять минут. Когда наконец дверь раздевалки распахнулась, мы побежали к рингу, где руки над головой поднял подставной бык, а парень в белой рубашке поспешно оттирал пятна крови с пола. Узбека уже увели. Надеюсь, что увели, а не унесли.

Подождав, пока мы встанем на ринг, Крыс прокричал:

– Финальный бой! У нас три участника, поэтому он пройдет в два боя! Итак, в финальный раунд вышли...

Он назвал наши номера, после чего предложил:

– А давайте назовем их по-своему? Вот этот могучий боец... – Бык сразу понял, что имеют в виду его, и поднял руки, – ...будет Скала!

Толпа взывала, а Крыс продолжил:

– Прекрасная и сильнейшая среди слабого пола – Жанна д'Арк! – Женщину поприветствовали в основном дамы. – И наконец... новичок и, пожалуй, самый юный сегодня участник... Фартовый!

Мне аплодировали наиболее вяло – видимо, по мнению публики, был я бойцом чрезмерно осторожным, слабым и скучным. Или на мне потеряли кучу денег. И хорошо.

Я силился разглядеть лица людей, жаждущих моей крови, но не получалось из-за направленных на ринг слепящих прожекторов.

В этот раз со стеклянной шарманкой прошла длинноволосая брюнетка, вытащила номерки, показала Крысу, затем развернула их к толпе.

– Два и восемнадцать!

Крыс подхватил:

– Выигравший этот бой проведет финальный раунд с Фартовым! Ему опять повезло, не зря я его так прозвал, правда? Вне зависимости от результата он получит свои пять тысяч.

Да он их получит, даже если побережет здоровье и сдастся!

Крыс мне подмигнул и остался за микрофоном, а в раздевалку меня повела брюнетка, виляя упругим задом, обтянутым латексными шортами. Удивительно было видеть такое в стране победившего социализма, но, видимо, тлетворное влияние Запада за тридцать лет изрядно подточило моральные устои строителей коммунизма.

Проходя мимо официанта с подносом, я прихватил бутылку лимонада, предназначенную гостям, скрутил пробку и принялся пить раньше, чем он проявил недовольство.

– Мог бы у меня попросить, – промурлыкала брюнетка, смерив меня заинтересованным взглядом. – Финалистам многое дозволено...

Мой взгляд скользнул в декольте, где призывно покачивались два упругих полушария.

– Насколько многое? – ухмыльнулся я.

Звягинцев внутри меня запротестовал, но я уже был не тем, кем раньше. Адреналин боев без правил, бурлящий в крови тестостерон и боевой боец в штанах требовали разрядки. Немедленно! Вот прямо сейчас с этой вот красоткой-брюнеткой!

Звериное начало взрыкнуло, спугнуло Звягинцева и представило: затащить в пустую раздевалку, загнуть и ка-а-ак...

Но она меня обломала, проворковала, проведя ладошкой по щеке:

– Выиграешь, поговорим...

Слова на человеческом языке отрезвили, Звягинцев выдвинулся на первый план, зверь внутри меня рыкнул что-то о том, что он еще вернется, и залез в берлогу.

Вернувшись в пустую раздевалку, я допил лимонад. Надеюсь, у бодибилдерши хватит ума вовремя сдаться, чтобы бык ее не покалечил. Очень хотелось верить, что случится чудо и она все-таки победит.

Бой длился долго. Видимо, женщина оказалась достойным противником. У меня даже появилась надежда, что подставной выведен из строя, и когда Крыс вел меня к рингу, я отчаянно пытался разглядеть, кто стоит в центре зала. В полумраке виднелась просто смутная фигура, которую перекрывали мельтешащие гости, а поскольку женщина была одного роста с подставным...

Нет, на ринге все-таки мужчина. Короткостриженный бык с рыбьим взглядом. На его скуле наливался кровоподтек, но потрепанным он не выглядел. Видимо, все-таки крутой боец. А среди живого мяса редко встречаются достойные противники – всех достойных сразу заывают в младшую лигу, как Достоевский звал меня.

Перед тем как грянуть барабанам, Крыс, из которого ринг-анонсер был так себе, прокричал:

– Скала и Фартовый! Ликуйте те, кто поставил на них! Фартовый, я обращаюсь к тебе. Поверь, малыш, у тебя нет шансов! Вообще никаких вариантов нет! Тебе правильнее сдаться и получить деньги за второе место!

– Пусть дерется! – возмущенно крикнула женщина из зала.

Крыс не упустил момента, покрутил что-то на пульте, и луч прожектора высветил ее: лет сорок, а может, и больше. Прическа как у Мэрилин Монро, впалые щеки, болезненно блестящие глаза, в руках – полупустой бокал на тонкой ножке.

– Дерись, будь мужиком! – Свет выхватил мордатого свиноподобного мужичка, которого под руку держала юная русоволосая особа – явно не дочь и не внучка.

– Огребй достойно, студентик! – поддержал свина какой-то мужчина с другого конца зала.

И снова передо мной выбор: взять пять тысяч, свалить потихому и не гневить судьбу или рискнуть, завалить этого быка, а заодно проучить организаторов боев за нечестную игру и... получить заточкой между ребер не сегодня так завтра.

– Врежь ему, Саша! – прокричали знакомым мужским голосом, и прожектор высветил... Достоевского!

Под руку его держала женщина восточной наружности с царственной осанкой, ей могло быть и двадцать, и пятьдесят – лицо скрывала небольшая вуаль.

Заметив, что я смотрю на него, Достоевский показал «класс» – дескать, все нормально, парень, прорвемся! Хотя я был уверен, что он просто поставил на меня, но, что уж говорить, эта неожиданная поддержка вдохновила.

Сомнения улетучились, я улыбнулся, ткнул пальцем по-

очередно в быка и себя и прокричал:

– Кто мы?

– Кто вы? – откликнулись зрители.

– Кто мы?! – повторил я вопрос.

– Кто вы?!!

– Мясо! – заорал я, и это вызвало усмешку даже у быка.

– Мясо!!! – завопила исступленно публика.

Подняв руку, я дождался, когда все успокоятся. И тихо сказал в услужливо подставленный Крысом микрофон:

– Мясо дерется. Мы будем драться.

– Идущие на смерть приветствуют вас, зрители! – добавил Крыс и, захлебываясь от эмоций, обратился к зрителям: – Давайте поприветствуем Фартового, бойца под номером тридцать три!

Глава 6

Та-ак... опускаюсь все ниже и ниже

Беснующийся зал грянул аплодисментами, сквозь которые прорывались рев, вой, свист. С полотка посыпались конфетти. Глядя вперед, я крутился вокруг собственной оси, но видел лишь слепящие лучи прожекторов, бьющие со всех сторон, и освещенную часть восьмиугольной клетки.

– Тридцать третий – мужик! – ревел неведомый крикун.

– Удачи, Фартовый! – поддержал его второй.

– Уделай его, Скала! – провизжала женщина. Она поставила на киргиза и не могла мне простить победу, но это был один из немногих выкриков не в мою поддержку. – Оторви ему голову!

Наш менталитет взял свое: вне зависимости от социального положения русский... нет, советский человек всегда поддерживает слабого.

Я в их глазах был кем-то вроде Иванушки-дурачка, которому предстоит одолеть Кощея Бессмертного. Те, кто поставил на женщину и узбекского индейца, уже потеряли свои деньги из-за быка и искренне желали мне победы.

Прожекторы погасли, и лица зрителей выступили из тьмы – сотни блестящих жадных глаз. Ударил гонг.

– Дамы и господа! – произнес Крыс. – Финальный бой нашего сегодняшнего вечера! Скала, номер восемь, против Фартового, номер тридцать три! Вы позволите начать поединок?

– Да!!!

– Мясо, убейте др-р-руг др-р-руга! – прорычал Крыс в микрофон.

Мы с быком на пару мгновений замерли друг напротив друга. Я решил, что нужно контролировать силу и не завалить быка в первую минуту. Незачем мне совсем уж светиться, пусть думают, что повезло... Хотя против меня выставлен такой боец, что поверить в везение будет сложно.

Бык, не будь дурак, закрылся и неторопливо пошел в атаку. Он по-прежнему хотел лишь побыстрее закончить работу. В своей победе он не сомневался. Я тоже встал в боксерскую стойку, сосредоточился на противнике. Точнее, не совсем я – тело встало в стойку. Оно лучше знало, как правильно, я лишь чуть направлял его.

– Вы посмотрите на Фартового! – разорялся Крыс. – Он и не думает отступать! Сама сосредоточенность!

Бык приблизился ко мне и нанес бесхитростный прямой. Я уклонился от него, отбил боковой удар левой рукой и фронтальным в живот, который пришелся в блок, откинул быка от себя. В момент удара пришлось чуть придержать ногу, чтобы толчок не оказался слишком сильным и соперник не отлетел на прутья. Не удержавшись, я пнул его по голени –

чтоб знал, как Фартового не уважать. Бык коротко взмахнул руками, преклонил колено, как рыцарь, и тут же вскочил.

Толпа многоголосо ахнула.

– Скала проводит атаку... Но Фартовый мастерски уклоняется и контратакует! Феноменально!

Бык покраснел и попер буром, показывая, что желает порвать меня на лоскуты. Ш-ш-шух-х-х! Вжу-у-ух! Он осыпал меня ударами, но бил не в полную силу – прощупывал. Я не подставился, но и феноменальную реакцию не засветил – принял удар на блок, умышленно поймал другой по касательной в скулу. Это фигня, главное, не подставиться под его настоящий удар. Подставился – пиши пропало.

Зрители заулюлюкали, когда я продолжил защищаться – отбил апперкот, уклонился от прямого правой. Лоукик встретил коленом, и меня отбросило назад – все-таки законы физики никто не отменял, а бык был тяжелее меня раза в два. Если бы я в обычном своем состоянии принял на согнутую ногу удар такой силы, с коленной чашечкой пришлось бы распрощаться.

– Вы это видели? А-а-а! Вот это рубилово! Давайте поддержим игроков!

Аплодисменты звучали фоном. Я смотрел в глаза быку, наступающему теперь аккуратнее. Он будто бы увидел во мне неизученное опасное насекомое. Злость уступила место осторожности.

Теперь бык не атаковал прямо, прощупывал меня обман-

ными выпадами и ударами. Я делал вид, что ведушь, хотя, когда он только начинал движение, мне было ясно, как оно закончится. А также я понимал, что хватит бегать и уклоняться, пора показывать настоящий бой.

Но не мог пересилить разум, который видел гору мышц и пасовал перед мощью быка.

Хотите шоу? Будет вам шоу!

Я наметил обманный лоукик в бедро, опустил ногу раньше, чем бык выставил блок. Провел прямой в челюсть – вполсилы. Противник поздно среагировал, отбил удар чуть позже, чем он достиг цели.

Публика ахнула, а ведущий взвыл:

– Скала пропускает! Ух! Но удар слишком слаб...

Бык тряхнул головой, и я воспользовался этим – вполсилы ударил его по корпусу и сразу отпрыгнул от полетевшего в лицо кулака. Сделал наметки лоукика, чтобы соперник раскрылся, – он не повелся, попытался контратаковать, но я был быстрее.

Голос ведущего превратился в грохочущий фон – я не прислушивался к нему, сосредоточившись на противнике. В его рыбьем взгляде мелькнула паника. Он не успевал за мной – ни мыслями, ни телом, а оттого в его неповоротливом мозгу начало проявляться понимание: я не легкая добыча, не «студентик», которого можно уложить и пойти отдыхать. Студентик кусается.

– Ты кто такой, епт? – прорычал он. – Ты че, умеешь

драться?

Его вопросы слышали в зале, и Достоевский, хохотнув, крикнул:

– А как ты, debil, думаешь, он до финала дошел?

Бык набычился еще больше, после чего в очередной раз попытался меня достать, нарвался на встречный удар и впервые за бой отступил.

Ну что, игры кончились? Кошка превратилась в мышку. Я мог бы положить быка прямо сейчас, но не спешил. Если покажу бой «Супермен против Чебурашки» – как объяснить, откуда я такой взялся? Еще заинтересуется мной КГБ или неведомая мне служба БР, в которой служил Витаутович... Уверен, они умеют развязывать языки.

Еще серия ударов Скалы – лоу, прямой, боковой, апперкот. Ни один не достиг цели. Я не бил – порхал вокруг, наносил легкие скольльзящие удары, изматывая противника.

Он пыхтел все тяжелее, все неохотнее бил. Ну понятно, что не настоящий профи – за режимом не следит, побеждает на классе, вот и вымотался за вечер. Это было ясно и потому, что он все чаще пытался взять меня в клинч. Пот катился градом по побагровевшему лицу.

Отчаявшись, он неуклюже бросился мне в ноги и получил локтем по шее, упал, выставив руки, а я под рев толпы подсек их, положив соперника, оседлал его, захватил шею и принялся душить, хрипнув ему на ухо:

– Не сопротивляйся. Бесполезно.

Бык попытался встать – пришлось валить его набок и удваивать усилия. Я мог бы и быстрее его придушить, но вдруг поврежу позвонки и сломаю шею? Судья издали наблюдал за поединком, готовый в любой момент применить шокер.

Наконец бык обмяк, захрипел, постучал рукой по полу, и я отпустил его.

– Добей его! – заорал в толпе какой-то мужик в песцовой шубе.

– Добей! Добей! – истошно завизжали поддатые девицы в мини-юбках. – Добей его, Фартовенький!

Бык стоял на четвереньках, опершись на одну руку, другой тер горло. Я чувствовал, что судья хотел ткнуть в меня шокером, но не решился.

– Добей его! – повторил скрытый за спинами зритель.

– Скала, чмо позорное, где мои деньги?! – истерично заорал второй. – Завали его на хрен, Фартовый!

– Выру-би! Выру-би! – скандировала толпа.

– Да он под наркотой! – верещал уже знакомый женский голос. – Проверьте его! Он же поплыл!

С удивлением я понял, что она кричит обо мне. Видимо, не может простить своего киргиза.

Тем временем судья глянул куда-то в сторону, словно ждал от кого-то условного сигнала. Потом подошел ко мне. Я напрягся, ожидая любой подлости, но ее не последовало: он поднял мою руку, признавая во мне победителя. И только

тогда я расслабился, осознав, как сильно вымотался.

– Невероятно! Это просто невероятно! – ворвался в сознание голос Крыса. – Победа! Безоговорочная победа Фартового! Теперь мы видим, что это талант, настоящий самородок!

Снова ослепили прожекторы, сверху посыпались золотые кругляши, кувыркаясь и танцуя. Судья глянул на быка, все не рискующего встать, на меня. Его рот перекосило, он злобно зыркнул на подставного и обратился ко мне:

– Что ж. Исполни волю зрителей – добей. Выруби обсосу.

– Охренел? – возмутился бык, злобно посмотрел на судью, но сник, подавленный восторженный ревом публики.

– Добей! Добей! Обсосу! Добей!

Прожекторы погасли, и проступили лица, слившиеся в единую женомужскую харю, сочащуюся довольством и требующую крови, зрелищ... Жрать! Впитывать чужую боль. «Твой враг в пыли жалок и слаб», – звучала в голове песня из прошлой жизни.

Добить, завоевав любовь толпы, или плюнуть ей в самодовольную рожу? Поступим умнее.

Я приблизился к Скале. Бык просто хотел, чтобы это все поскорее кончилось, но без очередного сотряса, а то врачи предупреждали, что он может ослепнуть.

Оглядев замершую в ожидании публику, я занес кулак для удара и одними губами сказал:

– Отключись, когда ударю.

Он ответил глазами: сделаю.

Я потряс кулаком, поцеловал его и нанес несколько коротких злых ударов – внешне эффектных и кровавых, но щадящих хрящи и кости. Бык, молодец, подыграл и тут же, закатив глаза, брякнулся – типа вырубился.

– Да! Да! Да! – как заведенный заорал Крыс. – Фартовый! Запомните это имя! А ты, тридцать третий, не забывай, кто тебя так окрестил!

В каком-то диком танце он запрыгал ко мне, обнял и повел по кругу, чтобы каждый смог получше меня рассмотреть.

Адреналин так и бурлил. Впервые в жизни после боя меня не отходняк скосил, а обуяла жажда деятельности. Мужчины приветствовали меня, женщины тянули ко мне руки. Упиваясь обожанием, хотелось вцепиться в прутья, корчить зверские рожи, колотить себя в грудь. Будь я так же устрашающе, как бык или узбек, так и сделал бы. В моем исполнении подобные финты смотрелись бы смешно.

Когда втянулись прутья ограждения, по периметру уже стояли амбалы в белых рубашках и черных штанах, все стриженные под машинку и какие-то безликие, словно с одного конвейера сошедшие.

У каждого я заметил по дубинке и по пистолету в кобуре. Интересно, чем это будет мне грозить?

Как оказалось, ничем. Толпа приняла нового победителя и признала его достойным. Рев и аплодисменты меня чуть не оглушили. Мне жали руки, хлопали по плечам, орали, что я

– красавец и лучший.

Я нашел взглядом Достоевского, его лицо излучало радость. Красавица в соболиной шубе смотрела на меня, широко распахнув глаза... Какие они у нее необыкновенные – миндалевидные, чуть раскосые, но пронзительно-синие, как подсвеченные солнцем кусочки льда. Тонкие длинные пальцы поглаживали ножку бокала. Встретившись со мной взглядом, она сделала вид, что смотрит на быка, которого уже поволокли прочь. Тело его оставляло кровавый след.

Азарт боя схлынул, оставив меня наедине с содеянным. Я лишил заработка организаторов турнира, и неизвестно, как они это воспримут. Если соберусь свалить – уже не получится, не дадут амбалы.

Ко мне проскользнул Достоевский со своей дамой, и стало видно, что ей за сорок. Обняв меня, смотрящий рынка сказал, улыбаясь:

– Помаши зрителям, и пойдем.

Я помахал и крикнул:

– Спасибо за поддержку!

– А ты нормальный боец, парень! – крикнул мне мужик, что болел за сизоносого. – Удачи!

– До дому-то доберешься? – хохотнул другой.

Видок у меня был тот еще – лицо распухло от множества умышленно полученных ссадин, за которые Лев Витаутович точно не похвалит. Еще бы, на турнире я буду защищать честь спортивного общества «Динамо»! Но черт с ним, как-

нибудь обойдется. Думаю, моя сегодняшняя победа для Витаутовича все перевесит.

– Фартовенький, миленький! – кричала какая-то девушка. – Посмотри на меня! Ну посмотри!

Я поймал брошенную красную шляпку-таблетку и монету, летящую в лицо Достоевскому. Еще две упали под ноги.

– Ты круто-ой! – не унималась та же девушка, и я посмотрел на нее.

Мы двигались как раз в ее сторону, а когда приблизились, оказалось, я ошибся в темноте, не девушка она, а баба-ягодка. Лет пятьдесят ей, если не больше. Лицо было гладким и молодым, но морщинистая шея выдавала возраст.

– Найди меня, Фартовенький! – промурлыкала она. – Я тебе покажу небо в алмазах, мальчик! Я Роксана, меня все в Лиловске знают!

– О да, знают, – усмехнулась пассия Достоевского, проходя мимо нее. – Роксаночка, через тебя же весь Лиловск прошел, клейма ставить негде!

– Да иди ты, тварь! – начала ругаться дама. – Сама как к Досту попала, а?

Достоевский нахмурился, покрутил в воздухе пальцем, и через несколько секунд голос Роксаны стих. Мы отошли подальше от толпы, куда-то, куда запускали только избранных. Я приостановился, спросил у Достоевского:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.